

Annotation

Сборник эссе и лекций, охватывающий тридцатилетний период творчества Алана Уотса - от его первого эссе о дзэн-буддизме до последнего семинара с символическим названием “Игра и выживание”, проведенного всего лишь за несколько недель до скоропостижной смерти.

Алан Уотс

Путь освобождения

Эссе и лекции о самосовершенствовании

*Если вы сидите
И ни о чем не думаете,
Вы можете стать буддой.*

ПРЕДИСЛОВИЕ МАРКА УОТСА

В настоящий сборник вошло несколько эссе и лекций Алана Уотса. Материал книги образует представительную выборку его произведений – от первого эссе по дзэн-буддизму до последнего семинара, проведенного за несколько недель до смерти в 1973 году. В этих эссе и лекциях прослеживаются все ключевые идеи философии Уотса, позволяющие западному читателю приблизиться к постижению, которое открывает для него сокровищницу восточной мысли.

Вводное эссе «Путь освобождения в дзэн-буддизме» было написано в 1955 году, еще до того, как Уотс приступил к работе над своим центральным сочинением на эту тему – книгой «Путь дзэн». Хотя эссе во многом перекликается с более поздней книгой, оно дает хорошее представление о том, о чем Алан всегда рассуждал так вдохновенно, – о дзэн.

Сразу же после этого эссе, дополняя его, идет запись последнего семинара Уотса «Игра и выживание». Этот семинар ясно показывает, как мысль философа эволюционировала в течение последних двадцати лет его жизни. Кульминацией исследования Уотсом восточной философии стал гармонический синтез игры и постижения.

Далее идет запись лекции под названием «Воздержись от суждения», в которой Уотс рассматривает неизбежные вопросы и противоречия, возникающие в результате стремления западных людей улучшить мир и совершенствовать себя. Рассматривая проблему с разных сторон, Уотс приходит к восточной идее *у-вэй*, смысл которой в том, чтобы «предоставить всему возможность идти своим чередом».

В следующей лекции «Чжуан-цзы: Нелепость и мудрость» Уотс увлеченно говорит о китайском мыслителе, чувство юмора которого уникально в истории мировой философии. Автор знакомит слушателей и читателей с юмористическими притчами Чжуан-цзы о бессмысленности человеческого существования, указывая, что любая деятельность, направленная на достижение цели в будущем, бессмысленна, пока человек не научился жить в настоящем.

Идеал «жизни в настоящем» великолепно изложен в коротком, ярком эссе «Практика медитации».

Я очень признателен тем, кто помог мне в работе над настоящей книгой: Ребекке Шропшир – за транскрибирование и редактирование лекций и Джорджу Инглзу – за его литературное содействие и ученые советы.

Марк Уотс

Милл-Уэлли, Калифорния,

сентябрь 1982

ПУТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ

Словами можно выразить всего лишь небольшой фрагмент человеческого знания, поскольку то, что мы говорим и думаем, весьма приблизительно отражает наши переживания. Причина этого не только в том, что всегда можно привести несколько описаний события, ни одно из которых не является исчерпывающим – как дюйм можно делить на части множеством разных способов. Причина также и в том, что есть переживания, которые невозможно выразить на языке в силу самой его структуры, подобно тому, как воду нельзя носить в решете. Между тем интеллект, человек, умеющий искусно обращаться со словами, всегда рискует принять описание за всю реальность. Такой человек с недоверием относится к людям, которые прибегают к обычному языку для того, чтобы описывать переживания, разрушающие саму логику, ведь в подобных описаниях слова могут донести до нас что-то только ценой потери собственного смысла. У такого человека вызывают подозрение все нестрогие, логически непоследовательные высказывания, которые наводят на мысль, что этим ничего не значащим на первый взгляд словам не соответствует никакое переживание. Это особенно верно в отношении идеи, которая то и дело возникает в истории философии и религии. Эта идея состоит в том, что кажущееся многообразие фактов, вещей и событий в действительности образует единство или, правильнее будет сказать, не-дуальность. Обычно эта идея является выражением не философской теории, а действительного переживания единства, которое можно описать также как осознание того, что все происходящее и возможное столь правильно и естественно, что его вполне можно назвать божественным. Вот как об этом говорит «Синдзинмэй»:

Одно есть все,

Все есть одно.

Если это так,

Зачем беспокоиться о несовершенстве!

Для логика это высказывание лишено смысла, моралист увидит в нем злой умысел, и даже психолог может задуматься над тем, возможно ли чувство или состояние сознания, соответствующее этим словам. Ведь психолог знает, что ощущения и чувства постижимы благодаря контрасту, подобно тому как мы видим белое на фоне черного. Поэтому психолог считает, что переживание не-различия или абсолютного единства невозможно. В лучшем случае оно будет подобно видению мира сквозь очки с розовыми стеклами. Поначалу человек будет осознавать розовые облака по контрасту с белыми облаками, однако со временем контраст забудется и единый вездесущий цвет исчезнет из сознания. Однако литература дзэн-буддизма не утверждает, что осознание единства, или не-дуальности, имеет место лишь временно, по контрасту с предыдущим переживанием множественности. Дзэнские мастера свидетельствуют, что это длящееся осознание не становится со временем привычным. Мы сможем лучше всего понять его, если проследим, насколько это возможно, внутренний процесс, приводящий к такого рода переживаниям. Это означает, прежде всего, что мы должны рассмотреть процесс с психологической точки зрения, чтобы выяснить, соответствует ли описаниям, которые лишены логического и морального смысла, хоть какая-то психологическая реальность.

Можно предположить, что отправной точкой на пути к такого рода переживаниям является конфликт обычного человека с его окружением, расхождение между его желаниями и жесткими реалиями мира, между его волей и ущемленными интересами других людей. Желание обычного человека заменить этот конфликт чувством гармонии перекликается с вековыми попытками философов и ученых осознать природу как единое целое за пределами дуализма и постоянных тревог человеческого ума. Мы скоро увидим, что во многих отношениях эта отправная точка не

позволяет достаточно ясно осознать проблему. Сама попытка объяснить переживание единства исходя из состояния конфликта напоминает случай о том, как однажды у мужика спросили путь к дальней деревне. Мужик почесал затылок и ответил: «Да, я знаю, как туда пройти, но, будь я на вашем месте, я бы не начинал отсюда». К несчастью, мы находимся именно в таком положении.

Давайте же посмотрим, как обращались с этой проблемой мастера дзэн. Их ответы, в первом приближении, можно классифицировать по четырем категориям. Вот они.

1. Сказать, что все вещи в действительности суть Одно.
2. Сказать, что все вещи в действительности суть Ничто, Пустота.
3. Сказать, что все вещи изначально совершенны и гармоничны в своем естественном состоянии.
4. Сказать, что ответ является вопросом или самим вопрошающим.

Вопрос задаваемый мастеру дзэн, может принимать различные формы, однако по существу это проблема освобождения от противоречий дуализма – другими словами, от того, что буддизм называем сансарой, или замкнутым кругом рождения-и-смерти.

1. В качестве примера ответа первой категории, то есть в качестве утверждения о том, что все вещи суть одно, можно привести слова мастера Эко:

Великая истина есть принцип глобальной тождественности.

Среди заблуждений самоцвет маны можно принять за черепицу,

Но для просветленного ока это подлинный драгоценный камень.

Неведение и мудрость разделить невозможно,

Потому что десять тысяч вещей суть одна Таковость.

Лишь из жалости к тем, кто верит в дуализм,

Я записываю эти слова и отправляю это послание.

Если мы знаем, что тело и Будда не отличаются и не делимы,

Зачем нам искать то, что мы никогда не теряли?^[11]

Смысл этих слов в том, что освобождение от дуализма не требует силой что-то менять. Человек должен лишь понять, что каждое переживание неотделимо от Одного, Дао или природы Будды, и тогда проблема для него просто исчезает. Вот еще один пример.

– Дзёсю спросил у Нансэна:

– Что такое Дао?

– Твое повседневное сознание есть Дао, – ответил Нансэн.

– Как можно вернуть себе чувство гармонии с ним? – спросил Дзёсю.

– Пытаясь его вернуть, ты сразу же теряешь Дао, – ответил Нансэн^[12].

Психологическая реакция на такого рода утверждение – попытка почувствовать, что каждое переживание, каждая мысль, каждое чувство и ощущение есть Дао; что хорошее и плохое, приятное и неприятное неразделимы. Это может принять форму попыток привязать символическую мысль «Это есть Дао» к каждому возникающему переживанию. Между тем понятно, что если такое утверждение в равной мере относится ко всему, оно не имеет смысла. Однако когда отсутствие смысла приводит к разочарованию, утверждается, что разочарование – это тоже Дао, – вследствие чего постижение единства продолжает ускользать от нас.

2. Таким образом, другой, и, возможно, лучший, способ ответить на первоначальный вопрос состоит в том, чтобы сказать, что все на самом деле есть Ничто или Пустота (шуньята). Это высказывание соответствует положению из «Праджня-парамита-хридая-сутры»: «Форма – в точности то же, что и пустота; пустота – в точности то же, что и форма». Такой ответ не дает повода искать содержание или смысл представления о единой реальности. В буддизме слово шуньята (Пустота) подразумевает скорее непостижимость, чем отсутствие чего бы то ни было

вообще. Психологический ответ на утверждение о том, что все суть Одно, можно описать как попытку сказать «Да» каждому возникающему переживанию, как стремление принимать жизнь во всех ее проявлениях. Напротив, психологический смысл утверждения, что все суть Пустота, состоит в том, чтобы говорить «Нет» каждому переживанию, отрицать все проявления жизни.

Подобный подход можно встретить также в учении веданты, где формула *нетти, нетти* («не это, не это») используется для того, чтобы достичь понимания, что ни одно отдельное переживание не является окончательной реальностью. В дзэн подобным образом используется слово *му*^[3]. Это слово может быть *коаном*^[4], или проблемой, которая дается начинающим практиковать медитацию. Работая с этим коаном, человек постоянно и при любых условиях говорит «Нет». Теперь мы можем понять, почему на вопрос: «Что будет, если я приду к вам без единой вещи?» Дзёсю ответил: «Выбрось ее!»^[5]

3. Кроме того, возможен подход, согласно которому ничего не нужно делать – не нужно говорить ни «да», ни «нет». Смысл здесь в том, что нужно оставить переживания и сознание в покое, предоставляя им быть тем, что они есть. Вот, например, высказывание Риндзая:

Устранять последствия прошлой кармы можно только от мгновения к мгновению. Когда приходит время одеваться, одевайтесь. Когда нужно идти, идите. Когда нужно сидеть, сидите. Забудьте о том, что следует постигать Будду. Ведь древние учили: «Если вы сознательно ищете Будду, ваш Будда – это всего лишь сансара»... Последователи Дао, знайте, что в буддизме нет места для приложения усилий. Будьте обычными людьми, без каких-либо амбиций. Отправляйте естественные надобности, одевайте одежду, ешьте и пейте. Когда устали, ложитесь спать. Невежды будут смеяться надо мной, но мудрый поймет... Древние говорили: «Чтобы встретить на пути человека Дао, не нужно его искать». Поэтому, если человек практикует Дао, оно не будет работать»^[6].

Еще один пример. Монах спросил Бокудзю:

– Мы одеваемся и едим каждый день. Как нам избежать необходимости одеваться и есть?

– Мы одеваемся, мы едим, – ответил мастер.

– Я не понимаю.

– Если ты не понимаешь, одевайся и ешь, – сказал Бокудзю^[7].

В других случаях состояние не-дуальности представляется нам как состояние за пределами тепла и холода, но когда мастера просят объяснить это, он говорит:

Когда нам холодно, мы собираемся у теплого очага; Когда нам жарко, мы сидим в бамбуковой роще на берегу ручья»^[8].

Здесь психологический смысл скорее всего в том, чтобы реагировать на обстоятельства в соответствии со склонностями – и не пытаться противостоять летней жаре и зимнему холоду. Можно добавить также: не пытаться бороться со своим желанием с чем-нибудь бороться! Это значит, что любое переживание человека правильно и что глубинный конфликт с жизнью и с самим собой возникает у него, когда он пытается изменить свои текущие переживания или избавиться от них. Однако это самое желание чувствовать себя как-то по-другому может быть текущим переживанием, от которого не нужно избавляться.

4. И наконец, есть четвертый тип ответа, который сводит вопрос к самому вопросу, другими словами, оборачивает вопрос против вопрошающего. Эко сказал Бодхидхарме:

– В моем сознании нет покоя. Пожалуйста, успокойте его.

– Дай мне сюда свое сознание, и я успокою его! – сказал Бодхидхарма.

– Но когда я ищу свое сознание, я не могу найти его, – ответил Эко.

– Там, где ты его не можешь найти, я его уже успокоил! – был ответ Бодхидхармы^[9].

Еще один пример. Досин сказал Сосану.

– Как достичь освобождения?

– Кто держит тебя в рабстве? – спросил мастер.

– Никто.

– Тогда зачем тебе искать освобождения?^[10]

Существуют многие другие примеры того, как мастера дзэн в ответ повторяли вопрос или когда они говорили нечто, подобное следующему: «Это же очевидно. Зачем же ты спрашиваешь меня?»

Ответы такого рода, по-видимому, имеют своей целью обратить внимание на состояние сознания, из которого возникает вопрос. Они словно говорят человеку: «Если тебя беспокоит что-то, выясни, кто и почему испытывает беспокойство». Поэтому психологической реакцией в данном случае будет попытка почувствовать чувствующего и познать знающего – другими словами, сделать субъект объектом. Однако, как говорил Обаку: «Сколько бы Будда ни искал Будду, как бы ум ни пытался ухватить себя, из этого ничего не выйдет до конца времен». Экай сказал: «Так же ищет быка тот, кто на нем едет». В стихотворении из «Дзэнрин Кусю» говорится:

Это меч, который ранит, но не может ранить себя, Это глаз, который видит, но не может видеть себя.

Старинная китайская поговорка гласит: «Невозможно хлопнуть одной рукой». Однако Хакуин всегда начинал знакомить своих учеников с дзэн, предлагая им услышать хлопок одной руки!

Нетрудно видеть, что все эти ответы объединяет одно – они цикличны. Если вещи образуют единство, тогда мое ощущение конфликта между противоположностями выражает собой это единство так же, как и мое противодействие этому ощущению. Если все вещи суть Пустота, мысль об этом тоже пуста, и мне кажется, словно меня просят упасть в дыру и захлопнуть ее за собой. Если происходящее случается правильно и естественно, тогда ложное и неестественное тоже естественно. Если я должен предоставить всему идти своим чередом, как мне быть, если частью происходящего есть мое желание вмещиваться в течение событий? И наконец, если в основе проблемы лежит недостаточно глубокое самопознание, как мне познать себя, который пытается познать себя? Вкратце, в каждом случае источник проблемы кроется в самом вопросе. Если вы не задаете вопросов, проблем не возникает. Другими словами, стремление избежать конфликта является конфликтом, которого человек пытается избежать.

Если подобные ответы на практике не помогают, это значит, что помочь человеку невозможно. Каждое лекарство от страдания подобно изменению положения тела спящего на твердой кровати. Каждый успех в управлении окружающей средой делает ее еще более неуправляемой. Однако тщетность подобных размышлений позволяет сделать по крайней мере два важных вывода. Первый состоит в том, что, если бы мы не пытались помочь себе, мы никогда бы не узнали, насколько мы беспомощны. Только задавая вопросы, мы начинаем понимать пределы, а значит, и возможности человеческого разума. Второй важный вывод состоит в том, что, когда мы в конце концов постигаем глубину своей беспомощности, мы обретаем покой. Нам ничего не остается делать, как потерять себя, сдаться, принести себя в жертву.

Возможно, эти рассуждения проливают свет на буддистское учение о Пустоте, которое гласит, что в действительности все пусто и тщетно. Ведь если я всеми силами пытаюсь избавиться от конфликта, который по существу обусловлен моим желанием от него избавиться; если, по-другому, сама структура моей личности, мое эго, является попыткой сделать невозможное, тогда я есть сама тщетность и пустота до глубины души. Я есть чесотка, которой

не о что почесаться. Эта неспособность делает чесотку еще сильнее, потому что чесотка – это и есть желание почесаться!

Поэтому дзэн пытается донести до нас ясное осознание замкнутости, беспомощности и тщетности ситуации, в которой мы находимся; само стремление достичь гармонии в которой является источником конфликта и в то же время составляет самую суть нашего желания жить. Дзэн был бы мазохистским учением о полной безысходности, если бы не одно весьма любопытное и на первый взгляд парадоксальное последствие. Когда нам становится ясно вне всяких сомнений, что чесотку нельзя почесать, она прекращает чесаться. Когда мы постигаем, что наше желание вовлекает нас в движение по замкнутому кругу, оно прекращается само по себе. Однако это может случиться лишь в том случае, когда мы яснее ясного видим, что никак не можем его прекратить.

Попытка *вынудить* себя делать или не делать что-либо подразумевает, конечно же, разделение ума на две части, внутренний дуализм, который парализует наши действия. Поэтому утверждение о том, что все вещи суть Одно и Одно суть все вещи, выражает конец этого разделения, постижение изначального единства и независимости ума. В чем-то оно похоже на приобретение умения делать какое-то движение – когда вы намереваетесь его сделать и неожиданно для вас оно получается, хотя все попытки добиться этого раньше не приводили к успеху. Переживания такого рода достаточно ярки, однако описать их практически невозможно.

Не следует забывать, что такое переживание единства возникает из состояния полной безысходности. В дзэн эту безысходность уподобляют попыткам комара укусить железного быка. Вот еще один стих из «Дзэнрин Кую»:

Чтобы порезвиться в Великой Пустоте, Железный бык должен вспотеть.

Но как железный бык может вспотеть? Этот вопрос ничем не отличается от вопроса: «Как мне избежать конфликта?» или «Как мне ухватить свою руку этой же самой рукой?».

В ярком осознании безвыходности мы понимаем, что наше эго полностью бессильно что-либо сделать, и постигаем, что – как бы то ни было – жизнь продолжается. «Я стою или сижу. Я одеваюсь или ем... Ветер шевелит ветви деревьев, а издали доносится шум машин». Когда мое повседневное «я» постигнуто как полностью бесполезное напряжение, я понимаю, что моим подлинным действием является все происходящее, что жесткая грань между мной и всем остальным полностью исчезла. Все события, каковы бы они ни были, будь то движение моей руки или пение птиц на улице, случаются сами по себе, автоматически – но не механически, а сидзэн^[11] (спонтанно, естественно).

Голубые горы сами по себе голубые горы;

Белые облака сами по себе белые облака^[12].

Движение руки, мышление, принятие решения – все происходит таким образом. Становится очевидным, что именно таким все всегда было, и поэтому все мои попытки привести себя в движение или контролировать себя неуместны – они нужны мне лишь для того, чтобы доказать себе, что это невозможно. Само представление о самоконтроле ошибочно, ведь мы не можем *заставить* себя расслабиться или *заставить* себя сделать что-то, – например, открыть рот одним только ментальным усилием. Какие бы волевые усилия ни прилагались, как бы мы ни концентрировали внимание, рот будет неподвижен, пока он не откроется сам. Именно это ощущение спонтанности происходящего воспето поэтом Хо Кодзи:

Чудотворная сила и удивительное действие – Ношу воду, колю дрова!^[13]

Это состояние сознания психологически вполне реально. Оно может даже стать более или менее постоянным. В то же время в течение жизни большинство людей почти всегда четко отличают эго от его окружения. Освобождение от этого чувства подобно излечению от хронической болезни. Вместе с ним приходит ощущение легкости и покоя, которые можно

сравнить с облегчением после снятия тяжелой гипсовой повязки. Естественно, эйфория и экстаз постепенно проходят, но перманентное отсутствие жесткой грани между эго и его окружением продолжает изменять структуру переживания. Конец экстаза не кажется трагедией, потому что больше нет навязчивого стремления переживать экстаз, которое раньше существовало как компенсация хронического разочарования от жизни в замкнутом кругу.

В некотором смысле жесткое различие между эго и окружением соответствует различию между умом и телом, или между произвольными и непроизвольными действиями организма. Возможно, именно поэтому йогические и дзэнские практики уделяют так много внимания дыханию и наблюдению за дыханием (*анапанасмрити*), ведь на примере этой органической функции нам легче всего увидеть глубинное единство произвольного и непроизвольного аспектов наших переживаний.

Так, мы не можем не дышать, и все же нам кажется, что дыхание подчиняется нашему контролю. С равным успехом можно сказать, что мы дышим или же что нас дышит. Таким образом, различие между произвольным и непроизвольным имеет смысл лишь при рассмотрении в некоторых рамках. Строго говоря, я делаю волевые усилия и принимаю решения тоже непроизвольно. Если бы это было не так, мне всегда нужно было бы не только принять решение, но и принимать решение принять решение, и т. д. до бесконечности. В то же время создается впечатление, что непроизвольные процессы, происходящие в теле, – например, сердцебиение – в принципе не отличаются от непроизвольных процессов, происходящих вне тела. Все они определяются многими причинами. Поэтому, когда различие между произвольным и непроизвольным аспектами больше не ощущается внутри тела, это ощущение распространяется и на мир за его пределами.

Таким образом, когда человек постиг, что различия между эго и окружением, между преднамеренным и непреднамеренным условны и справедливы только в ограниченных масштабах, его переживание можно выразить словами: «Одно есть все, все есть Одно». Это постижение подразумевает исчезновение внутреннего разграничения, жесткого дуализма. Однако это ни в коем случае не «единообразие», не разновидность пантеизма или монизма, которые утверждают, что все так называемые вещи – это иллюзорные проявления единого гомогенизированного «вещества». Ощущение освобождения от дуализма не следует понимать как внезапное исчезновение гор и деревьев, домов и людей, как превращение всего этого в однородную массу светящейся, прозрачной пустоты.

Поэтому дзэнские мастера всегда понимали, что «Одно» – это несколько неправильный термин. В дзэнском трактате «Синдзинмэй» говорится:

*Два существует благодаря Одному,
Однако не привязывайтесь в этому Одному...
В мире подлинной Таковости
Нет ни «меня», ни «другого».
Если об этом мире нужно что-то сказать,
Мы скажем лишь «не два».*

Отсюда коан: «Когда множественность сведена в Одному, к чему сводится это Одно?» На этот вопрос Дзёсю ответил: «Когда я был в провинции Сэйсю, мне сделали льняную мантию, которая весила семь фунтов»^[14]. Каким бы странным ни казалось это высказывание, именно так – с помощью прямого языка без символов и концепций – дзэн говорит о постижении реальности. Мы склонны забывать, что речь здесь идет о переживании, а не об идее или мнении. Дзэн говорит изнутри переживания, а не стоя в стороне от него – как человек, рассуждающий о жизни. Стоя в стороне, невозможно достичь глубинного понимания, подобно тому как одной лишь словесной командой невозможно привести в движение мышцы, как бы настойчиво мы ее

ни произносили.

Есть великий смысл в том, чтобы стоять в стороне от жизни и рассуждать о ней; в том, чтобы делать выводы о существовании и тем самым обладать психологической обратной связью, которая позволяет нам критиковать и совершенствовать свою деятельность. Однако системы такого рода обладают ограничениями, и рассмотрение аналогии с обратной связью показывает нам, в чем они состоят. Возможно, самый распространенный пример устройства с обратной связью – это электрический термостат, регулирующий температуру в доме. Если задать верхний и нижний пределы температур, термостат выключается, когда вода в нем нагревается до верхнего предела, и включается, когда она остывает до нижнего. Таким образом, температура в комнате поддерживается в желательных пределах. Кроме того, мы можем сказать, что термостат представляет собой своеобразный чувствительный орган, которым оснастили нагреватель для того, чтобы он мог регулировать свое поведение. Тем самым можно сказать, что термостат иллюстрирует зачаточную форму самосознания.

Но если мы создали саморегулирующийся нагреватель, почему бы нам не создать по аналогии саморегулирующийся термостат? Мы знаем, что термостат может иметь более сложную конструкцию, если мы вставим в него обратную связь второго уровня, которая будет контролировать уже имеющуюся. Затем возникает вопрос, как далеко в этом направлении мы можем пойти. Продолжая усложнять наше устройство, мы можем создать бесконечную последовательность систем обратной связи, которая не сможет функционировать в силу своей сложности. Чтобы этого избежать, где-то в самом конце этой цепи должен быть термостат, человеческий разум или другой источник информации, которому следует безусловно доверять. Единственной альтернативой такому доверию может быть очень длинная последовательность контролирующих приборов, которая работает очень медленно и поэтому непрактична. Может показаться, что есть еще одна альтернатива, а именно – круговой контроль, при котором за гражданами следят полицейские, за которыми следит мэр города, за которым следят граждане. Однако эта система работает только в том случае, когда люди доверяют друг другу или, иначе, когда система доверяет сама себе – и не пытается отойти от себя, чтобы улучшить себя.

Так мы получаем хорошее представление о ситуации, в которой находится человек. Наша жизнь состоит из действий, но, кроме того, мы можем проверять свои действия с помощью размышлений. Слишком большое количество рассуждений подавляет и парализует деятельность, но поскольку, действуя, иногда нам приходится выбирать между жизнью и смертью, сколько размышлений мы можем себе позволить? Дзэн характеризует свою позицию как *мусин* и *мунэн*^[15]. Поэтому может показаться, что он ратует за деятельность без размышлений.

Когда идешь, просто иди; Когда сидишь, просто седи. Главное – не сомневайся!^[16]

Ответ Дзёсю на вопрос о единстве и множественности был примером ненадуманного действия, непреднамеренного высказывания. «Когда я был в провинции Сэйсю, мне сделали льняную мантию, которая весила семь фунтов».

Однако размышление – это тоже действие, и дзэн с таким же успехом мог бы сказать: «Когда действуешь, просто действуй; когда думаешь, просто думай. Главное – не сомневайся». Другими словами, если вы собираетесь подумать или по-рассуждать, делайте это, не думая о своем мышлении. Но дзэн согласится также и с тем, что мышление о мышлении – это также действие, если, мысля о мышлении, мы делаем только это и не скатываемся в бесконечную последовательность попыток всегда стоять выше того уровня, на котором мы сейчас мыслим. Вкратце, дзэн есть освобождение от дуализма мыслей и действий, потому что он думает так же, как действует, – с теми же самоотвержением, готовностью и верой. Поэтому отношение *мусин* не подразумевает подавления мышления. *Мусин* – это действие на любом уровне – физическом или психологическом – без попыток *в то же время* наблюдать или проверять действие.

Другими словами, *мусин* – это действие без сомнений и озабоченности.

Все, что мы здесь сказали об отношении мышления к действию, верно также в отношении чувств, поскольку наши чувства и эмоции являются обратной связью так же, как и мысли. Чувства блокируют не только действия, но и самих себя как разновидность действий. Это происходит, когда мы проявляем тенденцию наблюдать и чувствовать себя до бесконечности. Так, например, испытывая удовольствие, я могу в то же время наблюдать за собой с тем, чтобы получить из него максимум. Не довольствуясь пробованием пищи на вкус, я могу пытаться попробовать на вкус свой язык. А когда мне мало просто быть счастливым, я хочу быть уверен в том, что чувствую себя счастливым, – чтобы тем самым ничего не упустить.

Очевидно, не существует возможности в каждой конкретной ситуации определить точку, в которой рассуждение должно переходить в действие, – в которой мы можем знать, что достаточно обдумали ситуацию и впоследствии не пожалеем о содеянном. Такая точка определяется чувствительностью и опытом. Но на практике всегда оказывается, что, как бы глубоко мы все ни продумали, мы никогда не можем быть окончательно уверены в своих выводах. По большому счету, каждое действие есть прыжок в неизвестность. О своем будущем мы с полной определенностью знаем лишь одно – что там нас ждет неизвестность под названием смерть. Смерть представляется нам символом всего того в нашей жизни, что мы не можем контролировать. Другими словами, человеческая жизнь по существу неконтролируема и непостижима. Это глобальное основание жизни буддисты называют *шуньята*, или Пустота; на нем зиждется *мусин*, или не-сознание дзэн. Но кроме того, дзэн постигает не только то, что человек стоит на неизвестном или же плавает по океану неопределенности в углу суденышке своего тела; дзэн постигает, что это неизвестное и есть я сам.

С точки зрения видения, моя голова представляет собой пустое пространство среди переживаний – невидимую и непостижимую пустоту, в которой нет ни света, ни тьмы. Та же самая пустота стоит за каждым из наших органов чувств – как за внешними, так и за внутренними переживаниями. Она присутствовала еще до начала моей жизни, до моего зачатия в материнском лоне. Она находится внутри всех атомов, из которых построен мой организм. И когда физик пытается проникнуть вглубь этой структуры, он обнаруживает, что сам акт наблюдения за ней не позволяет ему увидеть то, что его больше всего интересует. Это пример того же самого принципа, о котором мы уже столько раз говорили: вглядываясь в себя, глаза ничего не видят. Вот почему практика дзэн, как правило, начинается одним из многих коанов, как, например, «Кто ты?», «Кем ты был до того, как у тебя появились отец и мать?» или «Кто таскает за собой это твоё тело?».

Таким образом практикующий открывает, что его подлинная природа *свабхава* есть неприрода, что его подлинное сознание (*син*) есть не-сознание (*мусин*). Если мы постигаем это неизвестное и непостижимое начало нашей подлинной природы, оно больше не будет нам угрожать. Оно больше не кажется пропастью, в которую мы падаем; скорее это источник наших действий и жизни, мышления и чувств.

Это еще одно свидетельство в пользу формулировок, подчеркивающих единство, ведь дуализм размышлений и действий не имеет оснований в реальности. Но что еще более важно, нет больше разделения на знающего, с одной стороны, и неизвестное, с другой. Размышление есть действие, а знающий – известное. Мы можем видеть также уместность высказываний наподобие слов Экая: «Действуй как знаешь; живи как хочешь, только без задней мысли, – вот несравненный Путь». Такого рода утверждения не осуждают обычные размышления, суждения и ограничения. Их смысл не на поверхности, а в глубине.

В конечном счете, мы должны действовать и размышлять, жить и умирать, полагаясь на источник, который мы не можем ни постичь, ни контролировать. Если нас это не устраивает,

никакое количество заботы и сомнений, размышлений и анализа наших мотиваций не помогут нам исправить ситуацию. Поэтому мы вынуждены выбирать между страхом и нерешительностью, с одной стороны, и прыжком в деятельность невзирая на последствия, с другой. На поверхностном уровне, с относительной точки зрения, наши действия могут быть правильными или ошибочными. Однако, что бы мы ни делали на поверхностном уровне, мы должны обладать глубинной убежденностью в том, что все наши действия и все происходящее по большому счету правильно. Это означает, что мы должны войти в него без оглядки, без сомнений, сожалений и самообвинений. Так, когда Уммона спросили, что такое Дао, он просто ответил: «Иди дальше!»^[17]. Однако действовать без задней мысли – это ни в коем случае не заповедь, которой мы должны подражать. На самом деле мы не можем действовать таким образом, пока мы не поняли, что у нас нет других альтернатив, – пока мы не постигли в себе источник непостижимости и неконтролируемости.

В дзэн это постижение всего лишь первый шаг в длинном курсе обучения. Ведь мы не должны забывать, что дзэн представляет собой разновидность буддизма махаяны, в котором нирвана – освобождение от замкнутого круга сансары – не столько цель, сколько начало жизни бодхисаттвы. Действия бодхисаттвы – *упая* или *хобэн* – являются приложением этого постижения к разным аспектам жизни для «освобождения всех живых существ», не только людей и животных, но деревьев, травы и даже пыли.

Однако в дзэн представление о сансаре как о циклическом процессе воплощений не понимается буквально, и поэтому дзэн предлагает свою интерпретацию роли бодхисаттвы в спасении живых существ от рождения и смерти. С одной стороны, цикл рождения и смерти повторяется от мгновения к мгновению, и человек пребывает в сансаре в той мере, в какой он отождествляет себя с эго, существование которого продолжается во времени. Таким образом, можно сказать, что подлинная жизнь дзэн начинается только тогда, когда индивид полностью перестал пытаться улучшить себя. Это кажется нам противоречием, потому что мы имеем лишь отдаленное представление о ненасильственных усилиях, о напряжении без конфликта и о сосредоточении без напряжения.

В дзэн считается, что человек, пытающийся улучшить себя, стремящийся стать чем-то большим, чем он есть, не может действовать творчески. Вспомним слова Риндзая: «Если ты сознательно стремишься стать Буддой, твой Будда – всего лишь сансара». Или: «Если человек ищет Дао, он теряет его»^[18]. Причина в том, что попытки улучшить или совершенствовать себя продолжают держать нас в замкнутом кругу, подобно попыткам человека укунить свои зубы этими самыми зубами. Освобождение из этого идиотского положения приходит в самом начале дзэнской практики, когда человек понимает, что «он сам, в своем теперешнем состоянии, есть Будда». Ведь цель дзэн не в том, чтобы стать Буддой, а скорее в том, чтобы действовать подобно Будде. Поэтому бодхисаттва не достигнет ничего в своей жизни, если у него есть хотя бы малейшее беспокойство или стремление стать тем, чем он в данный момент не является. Точно так же человек, решающий задачу и думающий при этом о конечном результате, забывает о задаче, потому что в центре его внимания находится конечный результат.

Неуместность самосовершенствования выражена в двух стихах из «Дзэнрин Кусю»:

Длинная вещь – длинное тело Будды;

Короткая вещь – короткое тело Будды.

В весеннем пейзаже нет места для измерения и оценки –

Цветущие ветки растут естественно:

одна длиннее, другая короче.

А вот стихотворение дзэнского мастера Госо:

Стараясь найти Будду, вы не находите его;

Стараясь увидеть Патриарха, вы не видите его.

У сладкой дыни сладость даже в стебле;

У горькой тыквы горечь вплоть до корня^[19].

Одни Будды – короткие, другие – длинные. Одни ученики – начинающие, другие – более продвинутые, однако каждый из них «правильный» в своем теперешнем состоянии. Ведь если человек пытается сделать себя лучше, он попадает в замкнутый круг эгоизма. Западному человеку, наверное, трудно понять, что каждый из нас растет произвольно, а не вследствие сознательного улучшения себя и что ни тело, ни ум не могут расти, когда их растягивают. Подобно тому как семена становятся деревом, короткий Будда становится длинным Буддой. Этот процесс не является улучшением себя, потому что дерево нельзя назвать улучшенным семечком. Более того, многие семена никогда не становятся деревьями – и это вполне соответствует природе или Дао. Семена дают начало растениям, а растения рожают новые семена. При этом ничто не является лучшим или худшим, высшим или низшим, потому что конечная цель развития достигается в каждый момент существования.

Философия не-стремления, или *муи*^[20], всегда выдвигает проблему мотивации, потому что нам кажется, что, если люди являются совершенными, или Буддами, в своем теперешнем состоянии, это может лишить их стремления действовать творчески. Ответ состоит в том, что мотивированные действия не дают творческих результатов, потому что такие действия не свободны, а обусловлены. Подлинное творчество всегда бесцельно. Оно не подразумевает никаких внешних мотивов. Поэтому говорят, что подлинный художник подражает в своем творчестве природе и тем самым познает подлинный смысл «искусства для искусства». Кодзисэй писал в сборнике коротких изречений «Сэйконтан»:

Если ваша подлинная природа обладает творческой силой самой Природы, куда бы вы ни пошли, вы будете любоваться резвящимися рыбами и летящими дикими гусями.

Обязательно ли они противоречат друг другу?

Мне кажется, что жизнь – спонтанно развивающийся процесс. По-китайски природа называется *цзы-жань*. Это слово можно перевести как «то, что само по себе таково, каково оно есть» или «то, что случается само по себе». Любопытно, что грамматика европейских языков, которыми мы пользуемся, не позволяет нам представить процесс, случающийся сам по себе. Каждый глагол должен иметь существительное, субъект, начальника, и мы не можем себе представить существование чего-то, если им ничто не управляет – другими словами, если он никому не подчиняется. Поэтому представление о процессе, который случается сам по себе, пугает нас, потому что нам кажется, что за него никто не отвечает.

В Соединенных Штатах мы сталкиваемся с рядом социальных и политических противоречий, потому что считаем, что должны жить в республике, тогда как подавляющее большинство из нас верят во вселенную как в монархию. Если человек не верит в то, что республика – наилучшая форма правления, он не может быть настоящим гражданином Соединенных Штатов. И все же мы постоянно ищем монарха, того, на кого можно было бы свалить ответственность за происходящее. Мы не желаем брать на себя ответственность и всегда жалуемся на то, что наша жизнь обусловлена прошлым: «Я стал невротиком, потому что мои отец и мать были невротиками, а они стали такими, потому что невротиками были их отцы и матери...» Таким образом, все сводится к Адаму и Еве.

Вы ведь помните, что случилось в Эдемском саду? Бог выставил ловушку. Он сказал, что в саду есть дерево, плоды с которого есть нельзя. Если бы он на самом деле не хотел, чтобы Адам и Ева съели плод этого дерева, он просто ничего не сказал бы им о нем. Но когда он привлек их внимание к дереву, им ничего не оставалось сделать, как попробовать его плоды. Когда же Бог увидел виноватого Адама, он спросил: «Адам, не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть?» И ответил Адам: «Жена, которую ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел». Тогда Бог строго посмотрел на Еву и спросил: «Ева, не ела ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть?» – на что Ева ответила: «Змей обольстил меня, и я ела» – опять-таки, стараясь спихнуть с рук ответственность! Тогда Бог посмотрел на змея и они перемигнулись, хотя об этом ничего не сказано в Библии. Они перемигнулись, потому что давным-давно решили, что вселенная не будет сферой беспрекословного послушания, где, стоит только Богу сказать: «Я, Бог, желаю, чтобы все было так-то и так-то», как вы автоматически это делаете.

Поэтому в иудейской теологии говорится, что во время творения Бог поместил в сердце Адама нечто под названием «йецер хара», или «своенравный дух». Так, когда вы готовите плов и приходит время его посолить, вы добавляете в него чуть-чуть соли, потому что вы не хотите, чтобы он был очень соленым – только немножко. Поэтому Бог, сотворив Адама, наделил его пороками – но только немножко, чтобы жизнь была интересной, чтобы Адам мог поступать неожиданно для самого Бога. Это очень важно. Я имею в виду наше чувство обособленности и все те сложности, которые пришли в нашу жизнь, когда мы сделали выживание своей целью.

Если вы поставите себя на место Бога, Отца Небесного, каким его обычно воображают в народе, вы почувствуете себя деспотом, от которого зависит все в этом мире. Представьте себе, что вы знаете все прошлое и будущее, что вы можете управлять космосом, что вы наделены абсолютной властью – и вам наскучило все до смерти! Тогда вы повелеваете: «Человек, послушайся меня! Хочь какой-то неожиданности». И вот теперь вы это имеете. Только вы не

должны никому говорить, как это случилось. Ведь в нашем обществе считается, что если вы знаете, что вы Бог, значит, вы сошли с ума. На это знание везде наложен строжайший запрет, особенно в христианстве.

Иисуса распяли за то, что он знал это. Но христиане сказали: «О'кей, о'кей, Иисус *был* Богом, но давайте остановимся на этом. Больше никто». Однако для нас Евангелие – откровение того, что индусы знали уже очень давно: *tat tvam asi* – ты есть Это! Если бы Иисус жил в Индии, его не только не распяли бы – его поздравили бы с замечательным постижением. В Индии всегда было много людей, которые знали, что олицетворяют скрытого Бога. Шри Рамакришна, Шри Рамана, Кришна и Будда – все они открыли это, ведь быть Богом не является исключительным правом кого-то одного. Каждый из вас есть Бог, и когда я смотрю в ваши глаза, я вижу вселенную, которая, в свою очередь, смотрит на меня.

Таким образом, мы находимся в ситуации, когда на знание о нашей божественной природе наложен запрет, и мы не должны признаваться, что знаем, кто мы такие на самом деле. Это позволяет нам переживать захватывающие приключения: чувство потерянности, отчужденности, одиночества. Мы обычно говорим, что *пришли* в этот мир. Но ведь это неверно! Мы *вышли* из этого мира. Мы суть проявления вселенной, точно так же, как плод выходит из дерева, цыпленок из скорлупы, а младенец из материнского лона. Подобно тому, как в сетчатке глаза есть мириады крохотных нервных окончаний, все мы являемся нервными окончаниями вселенной. Это так прекрасно! Нас много, и вселенная многолика. Она имеет множество точек зрения на саму себя и поэтому застрахована от предрассудков. Вот в каком положении мы находимся.

Мы пытаемся понять, что происходит в мире. Мы смотрим в телескопы на самые вонне-удаленные объекты, мы смотрим в микроскопы на самые внутри-удаленные объекты, и чем более изощренными становятся наши инструменты, тем быстрее мир убегает от нас. По мере того как наши телескопы становятся более мощными, мы обнаруживаем, что вселенная расширяется. На самом деле это мы сами убегаем от себя. Какое-то время назад нам казалось, что мы настигли вселенную. Мы обнаружили так называемый атом, и думали, что это все. Но затем – бац! – появился электрон. Потом протон. А за ними целая вереница частиц – мезоны, пионы, античастицы, все больше и больше. Мы есть система самонаблюдения, которая напоминает змея Уробороса, хватающего себя за хвост и пытающегося себя проглотить. Это подобно поиску ответа на вопрос «Кто я?». Мы говорим: «Я хочу увидеть себя». Но посмотрите внутрь своей головы. *Что* вы там видите? Там не темно – сразу же за вашими глазами нет даже темноты, а есть лишь полное ничто. К этому можно прибавить еще кое-что.

Большинство из нас предполагают, что пространство – это ничто, что оно не имеет значения и не содержит энергии. Но на самом деле пространство – основа всего сущего. Как бы возникли звезды, если бы не было пространства? Звезды зажигаются в пространстве и *нечто* появляется из *ничего* точно так же, как, если вы слушаете непредвзято, вам кажется, что все звуки возникают из тишины. Удивительно! Тишина – это источник звука, точно так же как пространство – источник звезд, а женщина – источник человека. Если вы внимательно прислушаетесь к тому, что есть, вы обнаружите, что нигде нет ни прошлого, ни будущего, ни даже слушающего. Вы не можете слышать, как вы слышите. Вы живете в вечном настоящем – и *вы есть Это!* На самом деле все очень просто и по-другому быть не может.

Я начал с утверждения о том, что жизнь, продолжение жизни – это спонтанный процесс, и любовь во многом подобна ему. Трудность в том, что, когда мы были детьми, старшие и более умные сказали нам, что любить их – наш долг. Сам Бог сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею... возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12, 30-31). И поэтому наша мать говорила нам: «Ты должен сходить на горшок после завтрака», «Попробуй уснуть», «Не смотри на меня так»,

«Перестань дуться», «О, да ты весь покраснел!», «Соберись с силами» и «Будь внимателен!». Все это команды, в основе которых лежит принцип: от вас требуется сделать то, что приемлемо только при условии, что вы сделаете его произвольно.

Вот как это звучит: ты *должен* любить нас. Это замкнутый круг, и все мы пребываем в заблуждении именно поэтому. Муж говорит жене: «Дорогая, ты действительно любишь меня?» – на что она отвечает: «Да, я стараюсь изо всех сил». Однако никто не желает, чтобы ему отвечали так. Мы ожидаем, что нам скажут: «Я люблю тебя так, что могу тебя съесть. Я так сильно люблю тебя, что ничего не могу поделать с собой. Я – твоя беспомощная жертва». Но на самом деле мы заставляем других любить нас точно так же, как мы заставляем себя продолжать жить. Мы чувствуем, что *должны* существовать дальше, что это наша обязанность. Мы устали жить, но мы боимся умирать и поэтому говорим себе, что должны жить дальше. Но зачем? Вы можете сказать мне: «От меня многое зависит. У меня есть дети, и мне нужно продолжать работать, чтобы содержать их». В результате наши дети перенимают у нас это отношение и продолжают жить лишь затем, чтобы содержать детей, которые будут точно так же воспитывать своих детей, и так далее.

Поэтому я с удивлением наблюдаю за тем, что происходит в мире. Я вижу, как утром люди, не успев сказать друг другу пару слов, с видом маньяков бросаются к машине, чтобы ехать на работу зарабатывать деньги, – но зачем? Чтобы продолжать делать то же самое, при том, что лишь немногие получают удовольствие от происходящего. Разумные люди умудряются получать деньги за игру – и в этом на самом деле искусство жизни. Между тем идея о том, чтобы бороться и изо всех сил цепляться за жизнь, полностью нелепа.

Альбер Камю в начале своей книги «Миф о Сизифе» сделал очень здравое замечание: «Единственный заслуживающий внимания философский вопрос состоит в том, совершить самоубийство или нет». Задумайтесь над этим. Должны ли вы продолжать жить? Ведь, если вы остановитесь, все будет так просто! Не будет не только никаких проблем, но и того, кто может сожалеть о том, что ушел из жизни. Умереть – на что это похоже? Уснуть и никогда не проснуться. Нам кажется, что нет ничего ужаснее, чем пребывать в вечной темноте. Но на самом деле это совсем не так. Тот, кто умер, чувствует себя совсем не так, как тот, кого похоронили заживо. Тот, кто умер, чувствует себя так, словно его никогда не существовало. Причем не только его, но и всего остального. Все становится в точности таким, каким оно было до его рождения.

Как вы не видите внутренностей своей головы, так же вы не можете составить никакого представления о подлинной реальности, о глубинном основании своего существования. Это пустота. В буддизме пустота называется *шуньята*. *Шуньята* – то же, что пространство, сознание и Бог, которым мы «живем и движемся и существуем» (Деян. 17,28). Нам повезло в том, что мы не можем узнать, что это такое, ведь если бы мы узнали, нам стало бы скучно.

Великий датский философ ван дер Леев сказал: «Тайна жизни – это не загадка, которую нужно разгадать, а реальность, которую следует пережить». К счастью, у каждого из нас в сознании присутствует этот вечный вопрос, это не-знание о том, кто и зачем живет эту жизнь. И поэтому жизнь кажется нам интересной. Мы постоянно пытаемся разгадать тайну жизни, но она ускользает от нас. Единственная возможность ответить на вопрос: «Что такое реальность?» состоит в том, чтобы классифицировать ее. Вы «есть» или вас «нет»? Вы мужчина или женщина? Вы республиканец или демократ? Вы – животное, растение, минерал, жестянщик, лудильщик, солдат, богатый, бедный, нищий или вор? Каждый из нас должен быть отнесен к какому-то классу, однако то, что всегда пребывает в глубине нашей души и воистину *есть*, не может быть классифицировано. Никто не знает, что это такое. Мы даже не можем задать о нем ни одного осмысленного вопроса!

Существует множество философских теорий о том, что такое реальность. Некоторые говорят: «Реальность материальна, ведь она построена из того, что мы называем веществом». Философы всегда читают студентам лекции, стоя за кафедрой. При этом они часто стучат по кафедре и спрашивают: «Ну вот, этот стол, например, он реален или нет?» Услышав о теории епископа Беркли, который доказывал, что все на самом деле существует лишь в нашем сознании, доктор Джонсон пнул ногой камень и сказал: «Очевидно, что для всех здравомыслящих людей этот камень материальный и физический». Между тем другие, более проникательные мыслители говорят: «Материи не существует. Все это лишь ментальные построения. Весь мир – феномен чистого сознания». Во времена епископа Беркли люди плохо разбирались в нейрофизиологии. Мы же теперь знаем о мозге намного больше, чем они, и поэтому мы можем сформулировать теорию Беркли более строго, придавая ей научное звучание: мир, каким мы его видим, определяется структурой нашей нервной системы. Так, например, если бы у нас не было глаз, мы бы не знали, что такое солнечный свет. Если бы нам не были доступны тактильные ощущения, огонь бы нас не грел. Без мышц не было бы веса, а без мягкой кожи – твердых камней. Как видите, восприятие мира определяется отношением к нему нашего тела.

Давайте вспомним старый вопрос: когда дерево падает в лесу, где никого нет, издает оно звук или нет? Теперь мы можем дать на этот вопрос простой ответ. Звук есть отношение между колебаниями воздуха и нашими барабанными перепонками. Если я ударяю по барабану, на который не натянута кожа, как бы сильно я ни ударял, он не издаст звука. Поэтому воздух в лесу может колебаться сколько ему хочется, но если нет барабанных перепонки и слуховых нервов, там не возникнет никакого звука.

Благодаря физической структуре нашего организма мы порождаем мир из вибраций, которые, не будь у нас организма, были бы пустотой. Мы творим мир из пустоты и в то же время присутствуем в этом мире. Наши тела, наши нервные системы относятся к внешнему миру. Вы находитесь в моем внешнем мире, а я – в вашем. Таким образом, мы получаем ситуацию курицы и яйца. Как это удивительно! Рассуждая с самой скептической, нейрофизиологической точки зрения, мы можем сказать, что порождаем мир, в котором живем, и в то же время на уровне физического организма мы являемся продуктом деятельности этого мира! В конце концов физик объяснит вам, что ваше тело, как и все то, что вас окружает, есть кишаций электронами кусок материи. Все это есть один великий джаз, и самое удивительное в нем то, что он осознает себя через вас.

Существование – это вибрация, а все существующее имеет два аспекта. Один из них мы можем назвать «есть», другой «нет». Предположим, я сижу в кино рядом с симпатичной девушкой. Если я положу руку ей на колено и оставлю ее там, она заметит это, но если я не буду шевелить рукой, вскоре она забудет обо мне. Если же вместо того, чтобы держать руку неподвижно, я начну гладить и похлопывать ее по колену, ощущения будут меняться – есть, нет, есть, нет – и она будет помнить, что я рядом и уделяю ей внимание.

Все в нашей жизни происходит по принципу: есть-нет-есть-нет. Возьмите, например, солнечный свет. Световые волны колеблются так быстро, что сетчатка не замечает «нет», а помнит только «есть». Поэтому видимое посредством глаз представляется нам относительно стабильным. Но если мы закроем глаза и прислушаемся, мы услышим не только «есть», но и «нет» – особенно в низких звуках. На примере высоких звуков вы слышите только «есть», но, опускаясь ниже по шкале частот, вы начинаете различать также и «нет». В действительности, все пульсирует, как переменный ток. Прочтите самое начало статьи об электричестве в «Энциклопедии Британника». Вся статья представляет собой ученый трактат с множеством формул и обилием прочей технической информации, однако начинается она с чистой метафизики. «Электричество, – говорит автор статьи, – это Абсолют. Мы не знаем ничего

подобного ему. Оно фундаментально во всех отношениях...» Читая подобные высказывания, мы понимаем, что это не физика, а чистейшая теология.

Итак, мы имеем постоянное чередование всею и вся – есть-нет, ян-инь, мужчина-женщина, сейчас-ты-видишь, а сейчас-не-видишь. Унаследовав представления примитивной науки XIX века, мы привыкли считать, что пульсирующая энергия по существу не разумна, что она подчиняется механическим законам. Фрейд называл ее *либидо*. Другие называли ее «слепой энергией». Поэтому нам кажется, что мы как люди появились в результате какой-то случайности. Если миллион обезьян будут в течение миллиона лет печатать всякую бессмыслицу на миллионе печатных машинок, есть вероятность, что они напечатают полный текст Библии. Мы знаем также, что, даже если это случится, они не заметят этого и продолжат печатать чепуху дальше.

С детства мы знаем, что родились по счастливой случайности. Некоторые считают, что мы – всего лишь маленькие бактерии, ползающие по поверхности ничем не выдающегося каменного шара, который кружится недалеко от слабой звезды, расположенной на периферии небольшой галактики в черных безднах космоса. Почему люди говорят так? Да потому что они хотят прослыть реалистами. «Смотрите, какой я умный! Я все знаю. Я смотрю в лицо фактам, даже если это суровые факты. Думать, что где-то там есть кто-то ответственный за все происходящее в мире, могут лишь старухи и слабоумные. Я же считаю, что главное в этом мире – иметь стабильный заработок». Такие слова можно услышать от многих. Всегда смотрите на философию человека, чтобы понять, что он говорит о себе. Ваша философия – это ваша роль, игра, на которую вы соглашаетесь.

Я признаю, что моя философия – это моя роль, моя игра. Это всего лишь большой розыгрыш. И если уж я собрался вас разыгрывать, я хочу, чтобы это было как можно интереснее, и поэтому говорю: «К черту всю эту бессмыслицу! Я знаю, что ничего собой не представляю и живу очень недолго, но я знаю также, что я есть мимолетное проявление *того, для которого нет более которого*» Я не претендую ни на что другое. Я есть проявление источника и первоосновы вселенной – того, что все называют Богом, Атманом или Брахманом. Мне кажется, что знать это очень интересно. Но чувствовать это даже интереснее, чем знать об этом теоретически. Поэтому я стараюсь, насколько это возможно, делить свое знание с другими, чтобы вам не нужно было обращаться к психотерапевтам или искать себе гуру» чтобы вам не нужна была религия. Полная свобода!

И все же никто не запрещает вам любить религию. Я лично больше всего люблю храм Русской Православной Церкви в Париже, где они действительно делают все со вкусом. У них везде позолота, иконы, ладан, множество свечей и великолепная музыка. Священник выходит из тайной двери за главным иконостасом, который отделяет основное помещение церкви от внутреннего святилища. Одетый в роскошные одежды, он выглядит как Бог-Отец, и служба продолжается очень долго, и если вам стало скучно, вы можете зайти в небольшой кабачок на другой стороне улицы, где продают водку, икру и пирожки. Людям это нравится. Они выходят из церкви, идут в кабачок, а затем возвращаются обратно в церковь. Такая религия напоминает танец Это выражение чистейшей радости. Они не говорят Богу, что ему делать, потому что служба идет на церковнославянском, которого никто не понимает. Все просто наслаждаются происходящим. Это напоминает музыку, а музыка – это игра.

Здесь находится тайна бытия. Жизнь – это музыка, и нет принципа, согласно которому музыка обязательно должна звучать. Музыка – это фантазия без конечной цели. Танец – то же самое, только в движении. Когда мы танцуем, мы никуда не идем, а все кружимся и кружимся на месте. Поэтому музыка и танец – это модели вселенной. В соответствии с философией индусов, вселенная движется по кругу, но, по мнению Блаженного Августина, она идет вперед по прямой

линии. Если время циклично, рассуждает св. Августин, значит, Иисуса Христа будут распинать снова и снова. А значит, его смерть не будет «совершенным и достаточным жертвоприношением», искуплением грехов всего мира. Поэтому время должно идти вперед по прямой от сотворения мира через распятие до Страшного Суда.

После этого все рассуждения заканчиваются, потому что никто не знает, что будет делать, когда окажется на небесах. Но люди прекрасно знают, что будет происходить в аду. Если вы посмотрите на картину Ян ван Эйка «Страшный Суд», которая экспонируется в Муниципальном музее искусств в Нью-Йорке, вы убедитесь, что на небесах людям очень скучно. Они похожи на кота, проглотившего канарейку. Многими рядами сидят они во главе с Господом Богом Вседержителем, который тоже умирает от скуки. Между тем внизу под ними расправила черные крылья летучая мышь с черепом вместо головы, а под ней кишат обнаженные тела, поедаемые змеями и поедающие друг друга. Внизу люди участвуют в оргии, тогда как небожители вынуждены сидеть запертыми в церкви целую вечность, тоскуя от безделья.

Посмотрите также на иллюстрации Густава Доре к «Божественной комедии» Данте. Густав Доре был великолепным гравером. Пока он рисовал Преисподнюю, мы видим всю силу его фантазии, но когда он доходит до Рая, его воображение истощается. Здесь мы видим только леди в ночных рубашках, которые водят хороводы в небесах. Надо полагать, что это ангелы. Вообще, наши представления о рае очень поверхностны. Редко можно встретить человека, который может по существу сказать что-нибудь о Небесах. Студентам для развития воображения следует задавать сочинения на тему «Мое представление о рае». Тогда, быть может, мы поймем, что все наши идеи на эту тему полностью бессмысленны. В детстве мы были очень мудрыми, потому что знали это. Мы говорили: «Уа! Уа!» Эти звуки не имеют ни смысла, ни цели. Вселенная такая же, как эти звуки.

Итак, жизнь подобна музыке, которая исполняется ради самого своего звучания. Мы живем в вечном настоящем. Когда мы слушаем музыку, мы имеем дело не с прошлым и не с будущим, а только с вечно длящимся настоящим. Подобно тому как поле зрения может простираться вширь и вглубь, настоящее мгновение не является неуловимым мигом, как говорят нам часы. Настоящее мгновение – это не просто мимолетный миг; это большое поле восприятия. Слышать мелодию означает слышать интервалы между тонами. Внутри настоящего мгновения мы слышим интервалы и видим расстояния. Так, в каждом мгновении мы можем чувствовать нечто длящееся.

Поэтому когда я говорю о вечном настоящем, пожалуйста, не путайте его с миллисекундой; это не одно и то же. Вечное настоящее просторно, легко и насыщено, но, кроме того, оно очень странно! Это напоминает мне историю о священнике из Церкви Христа в Оксфорде. У этого священника был такой плохой почерк, что даже он сам не мог его прочесть. Однажды он начал читать проповедь по своим записям: «Вы очень странны, хотя... Вы очень странны, хотя... О! Вы есть сторонники Христа!» Видите связь? «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». А вот то же самое по-другому: не заботьтесь о завтрашнем дне. Не заботьтесь, говорю вам, ведь вы очень странны, хотя...

Таково учение о божественной странности. Любовь, которая движет солнцем и небесными светилами, есть их странность. Поэтому о Боге можно сказать, что он искренен, но не серьезен. Предположим, красивая женщина говорит мне: «Я люблю тебя», а я спрашиваю: «Ты это серьезно или всего лишь играешь со мной?» На самом деле это неправильный вопрос, потому что в глубине души я надеюсь, что она не будет серьезной, что она поиграет со мной. Поэтому правильнее было бы спросить: «Ты это искренне или всего лишь разыгрываешь меня?». Как видите, игривость находится у самого истока вселенной. Она подобна музыке.

Мне кажется, что хорошая музыка – написанная Бахом, например, – не имеет смысла. Классическая музыка, будь она западной, индийской или китайской, имеет своей целью только звучание. Слова, как и музыка, тоже не имеют смысла. Слова – это звуки, указывающие на что-то отличное от них самих. Долларовые банкноты указывают на богатство, карты – на территорию, слова – на вещи. Слово «вода» не намочит вас. Вы не можете выпить звук «воода». Поэтому слово символично и всегда указывает на что-то отличное от самого себя. И все же мы говорим о словах, что они имеют смысл. Люди сходят с ума, потому что желают увидеть смысл жизни, – точно жизнь – это слово! Гёте заикнулся на этой идее: «Весь бренный мир – всего лишь знак...» Знак чего? А что *вы* значит? Можно подумать, вы должны иметь смысл. Можно подумать, вы слово. Можно подумать, ваш смысл можно узнать, заглянув в словарь! Вы сами *есть* свой смысл.

Смысл жизни, ее прелесть, присутствует здесь и сейчас. Мы никуда не идем. Но выгляните в окно, и вы увидите людей, которые куда-то бегут, куда-то спешат, думая, что делают важное дело. Они несутся сломя голову, глядя перед собой невидящим взглядом. У них есть цель! Они должны ее достичь! Но вы, вы-то хоть понимаете, что вам никуда не нужно спешить, потому что вы уже *там*.

Индусы понимали это и поэтому назвали подлинное «я» Атманом (Atman) – человеком, который никуда не торопится, потому что всегда находится рядом с собой (at-man). В буддистской иконографии есть существо, называемое Авалокитешвара; по-японски, Каннон; по-китайски, Гуань-инь. Обычно его называют богом или богиней сострадания. Его обычно изображают с тысячей рук, направленных в разные стороны. Эта космическая многоручка – воплощение сострадания, потому что каждой рукой она старается кому-то помочь. На самом деле Авалокитешвара – не «он» и не «она», а что-то среднее, гермафродит. Само слово Авалокитешвара (Avalokiteshvara) означает «бдительный». Его легко запомнить, потому что мы говорим: «Посмотри-ка на это!» ('ave a look at it).

Язык удивителен. Мы бы могли продолжать в том же духе, играя со словами, наслаждаясь их музыкой и магией. Но на самом деле я хотел сказать вот что: существование в обществе без странности, без игры не имеет смысла – и в этом отношении китайские коммунисты подвергаются опасности. Это в высшей степени целеустремленные люди, преданные идее выживания. Жить в Китае и в России неинтересно, потому что люди там думают, что смысл жизни в том, чтобы продолжать жить, – и поэтому, что бы они ни ели, во что бы ни одевались, они довольны, потому что продолжают жить. Но поступать так означает ничего не понимать в жизни.

Ошибка закралась на двести двадцать четвертой странице красной книги Мао Цзэдуна, где он говорит: «Кто не морщит лоб, тот не умеет думать», – как будто напряжение мышц делает мышление более ясным! Это утверждение не согласуется с учением Лао-цзы, величайшего из китайских философов, Отца Мудрости. Напрягая мышцы, невозможно заставить свою нервную систему работать лучше. Это золотое правило психофизической деятельности. Мао Цзэдун допускает эту ошибку, а значит, серьезности у него хоть отбавляй. Я хочу сказать, что вынужденная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Уместно задать вопрос: почему люди не совершают самоубийства? Ответ состоит в том, что большинство из нас не делает этого либо потому, что боится смерти, либо потому, что считает своим долгом продолжать жить любой ценой. «Пока живу – надеюсь». Какой ужасный принцип! Но есть еще третья возможность. Люди не совершают самоубийства, потому что наслаждаются танцем. Даже если вы не богаты и живете довольно скромно, компания друзей, свет солнца и звезд, шелест листьев на ветру и шум дождя – все это придает вашей жизни смысл. Один поэт сочинил хайку:

Долгая ночь.

*Шум дождя говорит,
О чем я думаю.*

Теперь давайте поговорим о том, что такое игра. На санскрите игра будет *лила*. От этого слова произошло слово *lilt* (англ., «ритм», «такт»). Вселенную называют *Вишну-лила*, то есть игра или развлечение бога Вишну. Стоит нам подумать об игре, как мы вспоминаем о театре. В театре мы видим сцену и занавес. Однако за сценой есть гримерная, в которой актеры готовятся к представлению. Пока актеры не отождествились с личностями действующих лиц представления, они прекрасно знают, кто они такие. Но ведь личность – это личина, маска, которую актер одевает перед выходом на сцену. В Древнем Риме личность называли *persona*. К маске актера был приделан рупор для того, чтобы звук лучше доходил до публики, которая собиралась в амфитеатрах под открытым небом.

Когда актеры появляются на сцене, аудитория знает, что это всего лишь игра, но задача актеров – убедить аудиторию в том, что происходящее на сцене реально. И вот представление началось. Актеры приветствуют друг друга, плачут, смеются – а зрители сидят на краешке стула, волнуются вместе с героями, сгорают от нетерпения узнать, чем же оно закончится.

Теперь вообразите необычный спектакль: лучшие актеры дают представление перед самой отзывчивой аудиторией – и вы уже тут как тут! Видите ли, наша жизнь и есть этот самый спектакль. Однако мы принимаем его всерьез, не видя, что это всего лишь представление на сцене. Мы принуждаем других, поступаем плохо, обманываем, тогда как на самом деле нет ни малейших оснований делать это. Но даже в этом случае мы можем понять, что так называемая жизнь – всего лишь шутка (*joke*). В конце концов, что такое джокер (*joker*) как не карта, которая может сыграть роль любой другой карты? Джокер – символ Бога в колоде карт.

В древности короли всегда держали при дворе шутов, и лучше всего с этой ролью, конечно же, справлялись сумасшедшие. Шизофреники часто делают неуместные замечания, вызывая громкий смех присутствующих. В некотором смысле они достигли освобождения, потому что им все нипочем. Шизофренический ребенок не переживает, если его сбила машина – что случилось, то случилось. Так, у королевского престола в древности всегда сидел шизофреник, который напоминал королю, что тот не должен принимать себя всерьез. Вот, например, что говорит шут в исторической хронике «Ричард II»: *Внутри венца, который окружает Нам, государям, брненное чело, Сидит на троне смерть, шутиха злая, Глумясь над нами, над величьем нашим. Она потешиться нам позволяет: Сыграть роль короля, который всем Внушает страх и убивает взглядом; Она дает нам призрачную власть И уверяет нас, что наша плоть – Несокрушимая страна из меди.*

*Но лишь поверим ей, – она булавкой
Проткнет ту стену, – и прощай, король!*^[21]

В произведениях Шекспира не раз встретишь такую мудрость. Вот что говорится в «Буре» о мимолетности жизни: *Наш праздник кончен. Все актеры, Как я сказал вам, были призраки И в воздухе растаяли бесследно.*

*И как материя бесплотная видения сего,
Заоблачные башни и дворцы и храмы,
И весь великий шар земной,
О да, все сущее на нем померкнет
И, как ушедший праздник наш,
Растает без следа. Мы есть та ткань
Что сны плетет, и наша жизнь короткая
Вся сном окружена.*

Самые впечатляющие произведения искусства развивают тему быстротечности,

иллюзорности. Все приходит и уходит. Мы очень недолговечные создания. Мы подобны пламени. Пламя – это поток разогретого газа; это вихрь в реке, который вечно движется, вечно меняется, но при этом кажется тем же самым. Каждый из нас есть такой поток, и если мы сопротивляемся потоку, мы сходим с ума. Мы напоминаем тех, кто пытается зажать воду в кулаке, – чем сильнее мы сжимаем кулак, тем быстрее вода протекает между пальцами. Поэтому главный принцип наслаждения жизнью – подчеркиваю, не заповедь и не мораль, которой вы должны следовать, – очень практичен: не привязывайтесь к жизни, позволяйте ей идти своим чередом.

ВОЗДЕРЖИСЬ ОТ СУЖДЕНИЯ

В дебрях самосовершенствования

Люди уже очень давно интересуются возможностью изменить себя. Но мы можем спросить: возможно ли это или же это всего лишь замкнутый круг? В умах многих присутствует мысль: «Я должен улучшить себя», и это очень важно. В самой идее «Я должен улучшить себя» присутствует очевидная трудность: если я должен улучшать себя, то «я», которое улучшает, и «я», которое нуждается в улучшении, – это одно и то же «я». Таким образом мы попадаем в замкнутый круг.

То же самое можно выразить на языке теологии: как человеку следовать воле Бога, если его собственная воля извращена? Теологи в таких случаях говорят, что человек не может следовать воле Бога без божественной милости. Но как можно получить эту милость? Почему она дается одним и не дается другим? Если я не могу своими силами следовать воле Бога, потому что моя воля эгоистична, как эта моя воля, будучи эгоистичной, может превратиться в неэгоистичную волю? Если я не могу добиться этого сам, мне должна помочь божественная милость. Но почему она до сих пор не помогла мне? Потому что я не принял ее? Но ведь я не мог принять ее, потому что моя воля, по определению, эгоистична. Должен ли я, в таком случае, стать кальвинистом и сказать, что только те люди, которым суждено получить милость, могут прожить добродетельную жизнь? Рассуждая дальше в том же духе, мы придем к невозможному выводу, что люди, ведущие порочную жизнь, не получают милость, потому что они предрасположены к этому бесконечной мудростью Лика Божьего, и поэтому сам Бог несет ответственность за их порочные поступки. Какой милый парадокс!

На языке восточной философии проблема улучшения себя формулируется так. Будда сказал, что мудрость приходит только тогда, когда мы отказываемся от эгоистических желаний и устремлений. Тот, что отвергает желание, входит в нирвану, то есть достигает высшего покоя и освобождения. На санскрите нирвана означает «выдох». Противоположность выдоха – вдох – соответствует желанию. Так, если вы вдохнете и задержите воздух в груди, вам станет не по себе, но если вы выдохнете, нормальное дыхание снова вернется к вам. Смысл слов Будды можно выразить так: если вы хотите жить, не привязывайтесь к жизни, отпустите ее. Однако по-прежнему остается проблема: если я желаю не желать, не является ли это старым желанием? Могу ли я вообще пожелать не желать? Рационально я понимаю, что, привязываясь к себе, я мешаю себе, но как мне избавиться от привязанности, не превращая избавление в еще одну привязанность?

Уверен, что вы наблюдали за поведением людей, которые заняты самосовершенствованием. Обычно они довольно много ходят по магазинам. Кроме того, они интересуются психоанализом, психодрамой, йогой, сайентологией, христианской наукой, римским католицизмом, дзэн-буддизмом и тибетским буддизмом. И везде, куда бы ни подались эти люди, они встречают настойчивый призыв: «Забрось все и разберись с этим!» Но мы замечали, что, даже если человек следовал одному из этих путей очень долго, ничего особенного с ним не происходит. Мы каждый раз встречаем того же самого человека, только с новым набором навязчивых идей. Человек при этом не меняется, меняются лишь его попытки измениться.

Чтобы убедиться, что в действительности человек при этом не меняется, давайте рассмотрим так называемую «игру в самосовершенствование». Все мы так или иначе играем в эту игру. Позвольте мне спросить, что вы ищете? Ошибусь ли я, когда скажу, что вам нужна

помощь – что вы хотели бы услышать совет человека, который встретился с подобными трудностями и успешно преодолел их?

Наш мир одолевает множество политических, социальных и экологических проблем, каждая из которых достаточно серьезна, но когда мы рассматриваем их все вместе, ситуация кажется нам безвыходной. Естественно предположить, что мы попали в нее не потому, что пользовались плохими технологическими, политическими или религиозными средствами, а потому, что сами мы являемся плохими людьми. Со средствами все в порядке, но они достались не тем людям, ведь мы эгоистичны, ограничены, трусливы, боимся смерти, избегаем боли, не желаем сотрудничать с другими и уступать им. Поэтому мы думаем: «Понятно, что здесь что-то не так именно со мной. О, если бы только я мог стать более совершенным! Может быть, другие, более продвинутые люди скажут мне, что мне делать, чтобы стать более творческим и альтруистичным человеком? Ведь я искренне хочу измениться к лучшему!»

Так, я полагаю, что многие из вас надеются услышать от меня какой-то полезный совет, который поможет вам стать лучше в каком-то смысле слова – в моральном, общественном или духовном. Возможно, у кого-то из вас есть мистические амбиции, и вы желаете трансцендировать свое эго, осознать себя за пределами своего изолированного центра сознания, который живет в мешке из кожи. Возможно, вы желаете приобщиться к космическому сознанию и постичь свою тождественность с бесконечной энергией вселенной. Мистики часто переживали подобные состояния, и вы тоже стремитесь к этому. Поэтому вы были бы мне очень благодарны, если бы я посоветовал вам, как этого достичь. Вы можете думать: «Я должен найти себе помощников в этом деле, и поэтому я буду внимательно прислушиваться ко всему, что говорят другие».

Вы можете выбрать себе психотерапевта, священника или даже гуру, каждый из которых предлагает вам свою технику самосовершенствования. Но откуда вы знаете, что этот человек может вас чему-то научить? Как вы можете определить, является ли тот или иной психотерапевт мастером своего дела или же он просто шарлатан? Где гарантия, что выбранный вами гуру действительно обладает глубоким духовным опытом, а не просто болтает? Конечно же, вы спросите своих друзей – тех из них, которые лечились или учились у него, – и при этом окажется, что все они исполнены энтузиазма.

Да, человек должен проявлять энтузиазм, когда он купил что-то дорогое. Если вы покупали автомобиль, а впоследствии оказалось, что это апельсин, вам трудно признать, что это всего лишь апельсин и что вас надули. То же происходит, когда вы покупаете религию или дорогостоящую методику. Однако при этом есть один момент, который люди склонны упускать из виду: если вы выбрали себе авторитет, будь он политический или духовный, это именно *вы* выбрали его. Другими словами, мнение о том, что этот человек, эта система или эта книга удовлетворяет вашим запросам, – это *ваше* мнение. Если вы говорите кому-то: «Мне кажется, вы – авторитет», это ваше личное мнение. А как вы об этом судите? Если вы сами не являетесь авторитетом, вы не можете быть уверены в том, что человек, выбранный вами, действительно заслуживает вашего доверия. Вас могут обмануть.

Предположим, вы говорите: «Я верю, что Библия – слово Божие». Прекрасно. Таково ваше мнение. Все знают, что в Библии говорится, что она – слово Божие, но чтобы согласиться с этим, вы опять-таки должны доверять Библии. Церковь тоже говорит, что Библия – слово Божие, но, в конце концов, именно вы соглашаетесь с тем, что Церковь говорит правду. Вы не можете избежать здесь замкнутого круга: всегда в основе выбора, который вы делаете, лежит ваше собственное мнение.

Более того, очевидно, что, когда вы выбираете кого-то в качестве авторитета в самосовершенствовании, это напоминает ситуацию, когда на имеющиеся у вас деньги вы

нанимаете полицейских, чтобы они следили за тем, как вы подчиняетесь законам. Нам кажется, что это глупо – разве мы сами не можем следить за собой? Разве мы не являемся свободными гражданами свободной страны? Однако мы не желаем принимать на себя ответственность за свою жизнь, потому что мы чувствуем, что не властны над собой. Св. Павел говорит: «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 18-19). Здесь мы снова сталкиваемся с затруднением, потому что стремление улучшить себя напоминает попытки поднять себя над землей за шнурки от ботинок. Это просто невозможно! Однако есть множество объяснений, с помощью которых религиозные люди убеждают себя и других в обратном.

И все же вы не можете сделать этого, потому что «я», которое улучшает, неотделимо от «я», которое нуждается в улучшении. Поэтому вы вынуждены взывать к Богу: «Господи, помоги мне!» Конечно же, мнение о том, что Бог существует, – это *ваше* мнение; убежденность в том, что Бог ответит на вашу молитву, – это *ваша* убежденность. И вообще представление о Боге – это целиком и полностью ваше представление о Боге! Если вы купили его у кого-то другого, это именно вы купили его. Возможно, ваши родители рассказывали вам о Боге очень проникновенно, однако, в конце концов именно вы поверили им и прониклись их верой.

Вы сами можете быть родителем и передавать свои воззрения детям. У меня, например, пятеро внуков. Я знаю, что на самом деле я так же глуп, как когда-то был мой дедушка. Но я нахожусь в выгодном положении по отношению к своим внукам, и поэтому они думают: «Смотрите! Это очень авторитетный человек! Он все знает!» Но на самом деле я ничем не отличаюсь от других. Поэтому я надеюсь, что мои дети не будут верить мне, даже если я кажусь авторитетным, – ведь в конце концов именно *они* видят во мне авторитет. Но даже в этом случае, если я выгляжу внушительно и иногда покрикиваю на них, они, сами того не замечая, начинают мне верить.

Давайте теперь предположим, что существует Бог и что в его распоряжении имеется милость – божественная сила, которая позволяет человеку карабкаться вверх по веревке вместо того, чтобы пытаться поднять себя за шнурки от ботинок. Итак, вам нужна милость. Теолог скажет вам: «Бог свободно дает свою милость. Он дает ее всем, потому что любит всех. Божественная милость вездесуща, как воздух. Вы просто должны принять ее». Более ортодоксальный христианин, например католик, скажет вам: «Вам нужно лишь креститься и принять святое причастие с алтаря. Вкусите хлеб и вино, плоть и кровь Христову. В них пребывает милость. Она дается через эти простые физические действия, и поэтому получить ее очень легко». Многие приняли крещение, но далеко не всем это помогло. Были и такие, кто обрел милость, а затем утратил ее. Почему так происходит?

Легко видеть, что мы обсуждаем старую проблему, только на следующем уровне. Вначале вопрос формулировался так: «Как мне улучшить себя?» Теперь он вернулся к нам в виде: «Как мне принять божественную милость?» Однако в обоих случаях затруднение вызывает одно и то же – необходимость перестать контролировать себя и предоставить себя в распоряжение «высшей» силы.

Так, если вы не верите в христианского Бога, вы можете верить в индуcский Абсолют, который есть ваше подлинное «я». У вас есть низшее «я», или так называемое эго, – подлый человечек, у которого вечно проблемы с телом и чувствами. Но за пределами эго пребывает Атман, высшее «я» или внутренний свет, как говорили квакеры. Именно это «я», по мнению индуcов, тождественно Богу. Поэтому вы должны медитировать таким образом, чтобы отождествиться со своим высшим «я».

Но как вам достичь этого? Вы начинаете внимательно наблюдать за своими мыслями. Вы следите за чувствами и эмоциями, порождая тем самым ощущение расстояния между

наблюдателем и наблюдаемым. Таким образом, вас больше не уносит поток сознания. Вы остаетесь наблюдателем, который невозмутимо и бесстрастно наблюдает за происходящим.

В некотором смысле это прогресс – по крайней мере вы получаете объективное представление о происходящем. Кажется, еще немного – и вы сможете его контролировать. Но подождите минутку! Что такое это «я» за пределами «я»? Как вы можете за ним наблюдать? Было бы весьма интересно, если бы вы смогли это делать, потому что вы бы обнаружили, что наблюдающее «я» – «я» за пределами мыслей и чувств – само является мыслью. Ситуация напоминает захват полицией дома, в котором засели воры. Когда полиция входит на первый этаж, воры поднимаются на второй. Когда же полиция добирается до второго, воры уже на третьем, затем на четвертом и, в конце концов, на крыше. Подобно этому, когда кажется, что еще немножко – и эго будет развенчано, оно фазу же принимает вид высшего «я». Оно поднимается на следующий уровень, потому что религиозная версия игры – это та же самая старая игра «Как мне превзойти себя?», только немного обновленная, специально для снобов.

Так, если я считаю, что в жизни главное получать удовольствия, обычные радости – вкусная пища, секс, власть, имущество – скоро становятся мне не интересны. Я говорю себе: «Нет, не это» – и начинаю увлекаться искусствами, литературой, поэзией, музыкой. Затем через некоторое время я обнаруживаю, что это тоже не ответ, и тогда я обращаюсь к религии – но при этом я ищу то же самое, что раньше искал в конфетах! Я хочу найти что-нибудь вкусненькое. Но теперь я понимаю, что оно не должно быть материальным, потому что материальные вещи рано или поздно уходят. Поэтому я ищу чего-то духовного, полагая, что со временем оно не испортится. Однако по существу духовный поиск не отличается от поиска конфеты. Та же старая история – только вы сделали конфету абстрактной, священной, благословенной и так далее.

То же происходит с высшим «я». Высшее «я» – это то же самое «я», только теперь вы надеетесь, что оно вечное, вездесущее и всеведущее. Однако основное затруднение здесь в том, как заставить высшее «я» работать. Как сделать так, чтобы оно правильно реагировало на ваши мысли и действия? Я знаю людей, в которых это «я» проявлено. Они практикуют свою йогу, но во всем остальном подобны остальным – возможно, даже немного хуже, чем они. Как видите, им удалось обмануть себя.

Одни люди говорят: «Моя точка зрения на религию очень демократична. Я верю, что в каждой религии есть божественное откровение, и поэтому мне не понятно, почему верующие разных конфессий воюют между собой». Другие люди говорят: «Действительно, Бог являет свой Дух во всех традициях, но *наша* традиция – самая понятная и зрелая». А затем приходят третьи и говорят: «Я согласен с теми из вас, кто говорит, что все религии в равной мере божественны, но при этом я намного более терпим, чем вы!» Видите, как работает эта игра?

Давайте теперь предположим, что я – ваш гуру. Разумеется, все вы знаете, как каждый гуру ненавидит других гуру и любой ценой пытается их очернить, избличая в шарлатанстве. Но я скажу: «Смотрите, я не пытаюсь никого избличать», – и тем самым превзойду их всех! Мы всегда ищем возможность быть лучше других, причем идем для этого на хитрые уловки. Вы можете сказать: «Я знаю, что всегда делаю это, но скажите мне, как я могу не делать этого?» На что я отвечу. «Зачем вам это знать?» «Ясное дело, я хочу стать лучше!» – ответите вы. «А зачем вам быть лучше?» – снова спрошу я.

Как видите, причина вашего желания стать лучше является одновременно причиной того, что вы нуждаетесь в улучшении. Так происходит потому, что вы *желаете* стать лучше, не осознавая, кто вы уже есть. «Дорога в ад вымощена добрыми намерениями», потому что доброжелатели мира сего – желают ли они добра себе или другим – причиняют одни хлопоты. Они действуют по тому же принципу, что и обезьянка, которая поймала рыбку и повесила ее на дереве со словами: «Позволь мне помочь тебе, дорогая рыбка, ведь иначе ты утонешь!»

Мы, европейцы и американцы, в течение последних ста лет то и дело совершаем крестовые походы с целью улучшить мир. Мы всучили достоинства нашей культуры – религию и технологию – всем и каждому, кроме, быть может, австралийских аборигенов. Мы настаиваем на том, чтобы другие народы принимали преимущества нашей культуры и даже вводили у себя нашу политическую систему. «Или вы станете демократами, или мы вас перестреляем!» И вот теперь, когда мы благодетельствовали всех, мы удивляемся, почему остальной мир не любит нас. Но добро, которое мы делаем себе или другим, может быть очень разрушительно. Но кроме всего прочего, это еще и самомнение. Откуда мы знаем, что хорошо для других? Откуда мы знаем, что хорошо для нас? Само желание улучшить себя предполагает, что вы знаете, какими вам следует быть. Но как вы можете это знать, если вы все еще не совершенны? С другой стороны, если вы знаете это, не следует ли отсюда, что вы уже совершенны и вам не нужно больше улучшать себя?

Это напоминает проблему, с которой в наши дни столкнулись генетики. Не так давно я принимал участие во встрече, на которую генетики созвали философов и теологов: «Смотрите сюда, – сказали они – нам нужна ваша помощь. Скоро мы сможем создавать людей с любым характером. Скоро мы дадим вам музыкантов, философов, ученых, святых, великих политиков – кого вы захотите. Поэтому мы собрали вас, чтобы спросить, какого рода люди больше всего нужны человечеству в настоящее время?» Я ответил им: «Интересно, как мы, генетически несовершенные люди, можем составить правильное представление о том, какими должны быть генетически совершенные люди? У меня есть серьезные опасения, что наши представления о добродетелях будущих поколений окажутся несостоятельными. Мы можем попасть в ситуацию сродни той, которая возникла, когда мы столкнулись с экологическими проблемами, выведя путем селекции новый, высокоурожайный сорт пшеницы. Ведь всякий раз, когда мы вмешиваемся в природу, чтобы создать более продуктивные растения или животных, нам приходится каким-то образом расплачиваться за это. Поэтому я уверен, что люди, которых мы выведем в пробирках, будут несносными!»

Неужели вы не видите, какую опасность таит в себе нашествие добродетельных людей? Вы ведь знаете, что одно животное само по себе редко причиняет вред, но когда их собирается много, они ужасны. Воображаю себе миллионы надоедливых святых, от которых никому нет спасения, как иногда людям нет спасения от полчищ муравьев или саранчи! Поэтому я сказал генетикам:

«Позаботьтесь о том, чтобы в будущем рождались самые разнообразные люди. Пожалуйста, не сводите нас путем искусственного отбора к нескольким идеальным типам. Да и разве мы можем знать, какой тип будет идеальным через тридцать лет? Ведь мы не знаем, как к тому времени изменятся условия жизни, и, стало быть, в каких людях человечество будет тогда нуждаться больше всего. В одно время нужны агрессивные индивидуалисты, в другое – трудолюбивые коллективисты. То нам могут понадобиться экстраверты, умело манипулирующие окружающим миром, то – интроверты с интересом к психологическим исследованиям. Мы не можем знать этого наперед, но ясно одно: чем больше разных людей будет жить на земле, тем легче будет справиться с любой непредвиденной ситуацией».

Итак, наша проблема возникла в генетике. В действительности мы никогда не знаем, как нам лучше изменять текущее состояние вещей, поскольку мир – это невероятно сложный организм со многими взаимосвязями. Та же проблема возникает в медицине, потому что тело также очень сложно. Если ваши представления о теле поверхностны, вы можете увидеть, что с ним что-то не так, и начать лечить только внешние проявления вместо того, чтобы бороться с их причиной. Предположим, у вас ветряная оспа – болезнь, которую вызывают бактерии в крови и которая проявляется в виде зудящей сыпи по всему телу. Вы не должны устранять сыпь. Вам

нужно лишь устранить бактерии. Но здесь вы сталкиваетесь с проблемой, потому что для устранения бактерий нужно ввести в организм другие бактерии. Ситуация напоминает Австралию, где все пошло вверх тормашками, когда туда завезли кроликов.

Вы можете сказать: «Подождите минутку, причина ветряной оспы не в том, что в кровь проникли бактерии. Мы ведь знаем, что везде вокруг нас много бактерий. Причина ветряной оспы в том, что организм не смог противостоять одной конкретной разновидности бактерий. По какой-то причине снизилась сопротивляемость организма. Поэтому вместо антибиотиков нужно было принимать витамины». Итак, предположим, что вы будете укреплять сопротивляемость организма, и он сможет противостоять всем известным видам бактерий. Но где гарантия, что не появится еще один, никому не известный вид, который облюбует как раз такую ситуацию!

В медицине мы всегда видим человека разделенным на части. У нас есть специалисты по сердцу, по легким, по костям, по нервам и так далее, и каждый из них видит человека со своей фрагментарной точки зрения. Есть, правда, несколько специалистов по всему организму, но они в один голос утверждают, что тело слишком сложно, чтобы его можно было понять одним умом.

Но давайте предположим, что каким-то непостижимым образом нам все же удалось вылечить все болезни. Что мы тогда будем делать с перенаселенностью? Мы уже остановили холеру и чуму. Мы почти полностью победили туберкулез. Кажется, еще немного, и мы справимся с раком и недугами сердечно-сосудистой системы. От чего же тогда будут умирать люди? Они перестанут умирать; они будут продолжать жить. Людей появится на земле огромное количество, и поэтому придется что-то делать с рождаемостью – пилюли для всех! Но побочные эффекты от принятия этих пилюль? И что нам скажут мужчины и женщины, которым не разрешат рожать детей? И что мы будем делать, если дети все равно будут рождаться? Мы прикажем всем стать гомосексуалистами? Мы не знаем. То, что кажется нам хорошим сегодня или казалось таким вчера, завтра может оказаться катастрофой, как это было с ДДТ. По аналогии, то, что в древности считалось величайшими добродетелями в сфере морали и духовности, в настоящее время может оказаться злейшими пороками.

Обратимся, например, к святой инквизиции. В свое время деятельность инквизиторов считалась среди католиков чем-то столь же уместным, как в наши дни практика психотерапии. По общему мнению, еретик был опасно больным человеком. Предполагалось, что, если он не изменит своих воззрений, ему можно только посочувствовать, потому что он будет в течение целой вечности подвергаться в преисподней изысканнейшим пыткам. Вообразите себе, что эта идея столь же общепринята, как в наши дни представление о раке или о шизофрении.

По нашему мнению, чтобы излечить человека от болезни, все средства хороши: сложнейшие операции, круглосуточное просвечивание пораженных тканей в специальных рентгеновских установках, шоковая терапия, заточение людей в бесцветных, стерильно чистых коридорах психиатрических лечебниц. При этом больные не знают, кончится ли это когда-нибудь; они не понимают, что от них требуется, – и психиатры не понимают этого тоже. Получается кошмар в стиле Кафки. Мы считаем, что хирурги и психиатры – очень добрые люди, что они праведны в своем стремлении уменьшить человеческие страдания. А ведь точно так же когда-то относились к инквизиторам! Они не сомневались, что ведьмы и еретики обречены на вечные страдания, потому что подвержены ужасным предрассудкам. Поэтому, чтобы вылечить человека от ереси, все средства были хороши. Теперь мы видим, что с тех пор почти ничего не изменилось. В точности то же самое в наши дни совершается под другими предлогами. Оглядываясь назад, мы видим пороки людей прошлого, и все же мы не в состоянии осознать наши собственные заблуждения.

Поэтому берегитесь добродетели! Китайский философ Лао-цзы сказал, что высшая добродетель не осознает себя добродетелью и поэтому является таковой, тогда как низшая

добродетель настолько гордится собой, что вообще не является добродетелью. Другими словами, когда вы дышите, вы не поздравляете себя каждую минуту с тем, что вы добродетельны, но ведь дыхание – это великая добродетель, это сама жизнь! Если вы родились с красивыми глазами, голубыми, карими или зелеными, вы не поздравляете себя с тем, что имеете два самых прекрасных самоцвета в мире. Вы говорите: «Да это же всего лишь глаза!» Но разве не добродетель – видеть чудеса цвета и формы? Вы говорите: «Да это всего лишь зрение!» Однако это настоящая добродетель (virtue), которая, как явствует из происхождения этого слова, подразумевает силу (ср. virility), – в том смысле, в котором мы говорим о целительной силе растения (the healing virtue of a plant).

Все остальные наши добродетели являются лишь подражаниями и, как правило, причиняют много неудобств. Самые ужасные вещи делаются в мире во имя добра, и вы можете быть уверены, что, к какой бы политической партии или религиозной конфессии человек ни относился, он воюет, считая себя праведным, а противника – самым дьяволом. Наши политические оппоненты – Китай, Россия или Вьетнам – руководствуются столь же праведными чувствами, как и мы с нашей стороны. «Победить или умереть!» Но Конфуций сказал: «Безупречно праведные воруют добродетель», что созвучно нашей поговорке: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Поэтому мораль – или а-мораль – этих рассуждений в том, что, если вы глубоко осознаете свой внутренний мир, вам становится очевидно, что вы никак не можете улучшить себя. Вы даже не знаете, что для вас «лучше», и кроме того, в любом случае ваше «я», нуждающееся в улучшении, – это то же самое «я», которое будет руководить улучшением. То же верно в отношении общества. Мы можем изменить общество. Нас может вдохновлять мысль о том, что назревает революция, которая все расставит по местам. Но можете ли вы назвать мне хотя бы одну революцию, которая привела бы к улучшению? При этом не важно, кто ее совершает, левые или правые. Самыми лучшими во все времена оказывались правительства, которые не регламентировали жизнь людей, не пытались контролировать все и вся. Когда же у правительства большая сфера влияния и много силы, чтобы воплощать в жизнь свои намерения, появляются насилие, кровопролитие, конфликты. И не важно, кто у руля – председатель Мао или Адольф Гитлер.

Мы не можем перехитрить себя или сознательно забыть о себе точно так же, как мы не можем преднамеренно стать спонтанными или же заставить себя полюбить. Вы или любите кого-нибудь, или нет. Если вы притворяетесь, что любите человека, вы обманываете его и себя и создаете предлог для непонимания и конфликтов в будущем. В наши дни очень часто можно слышать, как поют песни о любви и говорят о милосердии и благотворительности. Знаете, что мне хочется сделать? Я хочу купить ружье и покрепче запереть дверь на ночь, потому что зарождается буря лицемерия. Ко мне придут крепко сложенные ребята и скажут: «Разумеется, ты будешь не против, если мы заберем твои вещи. Ты ведь любящий и духовный человек, поэтому ты с удовольствием поделишься имуществом с другими».

Давайте посмотрим на это с другой точки зрения – хотя поначалу такой поворот разговора может показаться вам мало утешительным. Давайте предположим, что мы не можем изменить себя, а значит, полностью бессильны чем-либо себе помочь. Обратите внимание: нет ничего хуже этого для американской аудитории! Ведь все стороны жизни в этой стране, так или иначе, связаны с улучшением и самосовершенствованием.

Почему ходят в театр или на симфонические концерты? Только некоторые получают удовольствие от представлений или от классической музыки. Остальные идут туда для того, чтобы «приобщиться к культуре», чтобы улучшить себя с помощью искусства. Посмотрите на бег трусцой, это отвратительное занятие. Я не спорю, бегать очень приятно, особенно по холмам и

на большой скорости – так, чтобы ветер свистел в ушах! Но посмотрите на бегающих трусцой. Они трясут себе кости, расшатывают мозги, бегая на пятках. Они угрюмы и серьезны, потому что бегать трусцой очень полезно для них.

А почему люди поступают в университет? Есть только одна подлинная причина поступления в университет, а именно – желание общаться с людьми, которые знают больше вас и могут поделиться с вами этими знаниями. Поэтому, если вы поступили в университет, надо полагать, что вы чем-то интересуетесь – вы вовсе не собираетесь себя улучшать. Однако проблема в том, что университеты устроены неправильно: они дают дипломы тем, кто их окончил. Тогда как наградой за изучение французского языка, например, должна быть возможность говорить по-французски, читать французские книги и приятно проводить время с француженками. Но если за изучение чего-то вы получаете свидетельство об окончании высшего учебного заведения, тогда ваша учеба становится способом стать лучше.

Конечно же, игра в «кто кого переплюнет» является основным смыслом существования современных учебных заведений. Вы изучаете правила того, как быть хорошим профессором. Для этого может быть очень поучительно сходить на встречу профессоров. В моей области, коей есть философия, когда вы оказываетесь на конференции философов, вы обнаруживаете, что, собравшись в ресторане, в баре или у кого-нибудь на дому, единственное, о чем они никогда не говорят, – это философия! На самом деле проявлять интерес к философии среди коллег считается признаком плохого тона. То же самое верно в отношении собраний священников. Они никогда не говорят о религии. О чем же философы и священники говорят, так это об академической и церковной политике.

Кроме того, среди преподавателей университета не принято выделяться своими интеллектуальными способностями или педагогическими принципами, потому что это бросает тень на коллег. Поэтому в среде преподавателей культивируется посредственность. Вы должны следить за тем, чтобы студенты не бегали за вами толпами, потому что ваши коллеги по кафедре перестанут здороваться с вами. Есть также бесчисленное число возможностей отличиться в научных исследованиях и публикациях. Вы, например, можете соревноваться с другими в количестве библиографических ссылок и примечаний к основному тексту, а также в количестве примечаний к примечаниям и в других способах сделать свою статью совершенно неудобочитаемой.

Подобным играм нет конца. Как видите, это не обычная наука, а наука о том, как быть ученым. Подобно тому, как обучение, которое полезно для вас, не имеет ничего общего с подлинным обучением, сама идея о том, чтобы улучшить себя с помощью обучения, полностью неуместна в учебном процессе. То же можно сказать о производстве. Производство товаров – это производство товаров. Быть производителем одежды, например, – очень хорошее занятие. Я могу себе представить, что это увлекательно – выпускать одежду, которая пользуется спросом. Однако я должен что-то есть, и поэтому мне приходится продавать результаты своего труда. Но производить одежду для того, чтобы делать деньги, – это совсем другое дело. Ведь в этом случае я заинтересован не столько в том, чтобы делать одежду, сколько в том, чтобы зарабатывать деньги, а для этого приходится обманывать людей.

Предположим, вы заработали много денег. Что вы будете с ними делать? Вы не можете съесть десять бифштексов в день. Вы не можете жить в шести домах одновременно. Вы не можете ехать в трех «роллс-ройсах» по одной и той же улице. Что вы в таком случае делаете? Разумеется, вам ничего не остается делать, как продолжать зарабатывать деньги с помощью тех денег, которые у вас уже есть. С этой целью вы можете вложить их во что-то и впоследствии только подсчитывать прибыли, не заботясь о том, каким образом эти прибыли к вам приходят. Вас не заботит то, что где-то вырубают леса, что выхлопные газы съедают кислород в

атмосфере, что в реках умирает последняя рыба. До тех пор пока сумма на вашем счету растет, все это вас не беспокоит.

Здесь мы имеем то же самосовершенствование, только в данном случае мерой улучшения являются деньги, ваше имущество или, по крайней мере, возможность его приобрести. Таким образом, вы забываете о реальности и начинаете думать только о статусе. Но если вы музыкант, зачем вы исполняете музыку? Единственной подлинной причиной исполнения музыки может быть удовольствие, которое вы получаете в процессе игры. Если же вы играете исключительно для того, чтобы произвести впечатление на аудиторию или чтобы прочесть о себе в газете, вы не интересуетесь музыкой.

Все это значит, что представление о самосовершенствовании – иллюзия и обман. Давайте исходить из того, чем мы являемся. Что происходит, когда вы вне всяких сомнений знаете, что никак не можете улучшить себя? Вы чувствуете некоторое облегчение. «Я есть то, что я есть. Вот и все». И все же, поскольку у вас еще сохранились воспоминания о том, что каждый должен что-то делать, вы спрашиваете: «И что же мне теперь делать?» Вам на ум приходит нечто типа «Я хочу служить людям», «Оставь мир немного лучшим, чем он был до тебя» и другие расплывчатые идеи. Старые привычки дают о себе знать.

Но когда мы понимаем, что на самом деле мы никак не можем улучшить себя, мы получаем передышку, которая позволяет нам осмотреться и некоторое время просто понаблюдать за происходящим. Никто этого не делает. Сделать это, кажется, очень просто – настолько просто, что, кажется, не имеет никакого смысла это делать. Но наблюдали ли вы когда-нибудь за тем, что происходит, и за тем, как вы реагируете на это? Просто наблюдайте за происходящим и не спешите делать выводы о том, что это такое. Люди смотрят и говорят: «Это просто внешний мир». Откуда это известно? Все, что мы воспринимаем, с нейрофизиологической точки зрения, происходит у нас в голове. Знание о том, что за пределами вашего черепа что-то есть, – всего лишь представление в нашей нервной системе. Может, там что-то есть, а может быть, там ничего нет. Идея о материальном мире – это всего лишь чья-то философская идея. Или, возможно, вы думаете, что мир духовный. Это тоже чья-то философская идея. Подлинный мир не духовный и не материальный. Подлинный мир просто *таков, каков он есть*.

Можем ли мы смотреть на мир таким образом, не нацепляя на него ярлыков, имен, обозначений, суждений? Можем ли мы просто наблюдать за тем, что происходит, и за тем, что мы делаем? Если вы попытаетесь посмотреть на мир таким образом, может случиться, что вы освободитесь от стремления улучшить себя и ваша природа позаботится о себе сама. Стоит вам только уйти с собственного пути, как вы обнаруживаете, что все совершаемое вами случается само по себе.

Ни один гений не может объяснить свое творчество. Он говорит: «Да, я научился самовыражаться, потому что что-то во мне пыталось выйти наружу. Мне пришлось научиться давать ему слово». Если вы музыкант, вам нужно научиться исполнять музыку. Если вы писатель, вы должны найти свой стиль выражения, чтобы другие могли понимать вас. Вам нужна техника. Но можете ли вы сказать другим, как вы научились использовать технику для того, чтобы выражать тайну, которая не дает вам покоя? Если бы вы могли объяснить это, можно было бы создать школы, в которых воспитывали бы гениальных музыкантов и ученых, способных делать эпохальные открытия. В конце концов, гениев стало бы так много, что мы сказали бы: «А ведь на самом деле в этих людях нет ничего выдающегося!» Самое поразительное в гениальном человеке – его способность создавать непонятное, удивлять нас. Но разве вы не видите, что точно так же мы не можем даже понять наш собственный мозг? Это свидетельствует о том, что мозг умнее науки. Мозг позволяет нам совершать интеллектуальные и культурные чудеса. Мы не знаем, как он делает это, но он *делает* это! Мы ничего не

предпринимали для того, чтобы улучшить свой мозг по сравнению с мозгом обезьян или наших предков; это случилось само по себе.

Рост всегда происходит сам по себе, но для этого нужны два фактора. Во-первых, как я уже говорил, мы должны обладать техническими способностями выражать происходящее, а во-вторых, мы должны уметь уходить с собственного пути. В основе проблемы управления находится вопрос «Как мне уйти с собственного пути?» Если бы я рекламировал вам систему под названием «Как уходить с собственного пути», это превратило бы наше общение в разновидность самосовершенствования. Мы видим, как в истории человечества это повторяется снова и снова. В дзэн-буддизме об этом говорят: «Постижения невозможно достичь мышлением; постижения невозможно достичь не-мышлением». Мы уходим с собственного пути тогда, когда мы уже больше не выбираем, уходить нам или нет, – когда мы видим, что Б действительности у нас нет другого выхода. Другими словами, это случается тогда, когда мы видим, что, как бы мы ни поступили, это нам не поможет, и что попытки не делать тоже не увенчаются успехом. Что случается с нами после этого? Мы поставлены в тупик. Нам ничего не остается делать – осталось лишь пустить все идти своим чередом и наблюдать.

ЧЖУАН-ЦЗЫ Нелепость и мудрость

Китайский философ Чжуан-цзы жил около 300 года до н. э. или немного раньше. Он был необычным человеком. Из всех древних философов он один обладал настоящим чувством юмора, и поэтому читать его очень интересно. Отчасти юмор Чжуан-цзы состоит в его умении преувеличивать. Нам бы тоже не мешало взять на вооружение это искусство. Читая произведения Чжуан-цзы, мы видим, как много он шутит. Он напоминает нам группу энтузиастов, которые, общаясь в узком кругу, доводят свои идеи до крайности, а затем катаются со смеху. Чжуан-цзы делает то же самое и при этом очень много говорит нам о ценности бесполезной жизни.

Для даоса не имеет смысла представление о том, что какие-то события жизни могут быть полезны – то есть что они могут служить какой-то цели в будущем. В даосизме вселенная считается целиком и полностью бесполезной. Жизнь – игра, и в то же время жизнь – это намного больше, чем игра, потому что, называя ее игрой, мы не передаем ее подлинного смысла. Так, например, когда даосский мудрец бродит по лесу, он никуда не направляется, он просто бродит. Наблюдая за облаками, он любит их, потому что они плывут бесцельно. Он наблюдает за полетом птиц и за волнами, разбивающимися о берег. Нам нравится все это, потому что природа не спешит так, как спешит человек, потому что она не стремится к цели за пределами настоящего. Именно поэтому в эпоху Тан, Сун, и позже возникла особая разновидность китайской живописи – картины, центральное место в которых занимает бесцельная, извилистая природа.

Обычно, подчеркивая бесцельность действия или предмета, мы указываем на его недостаток. Мы говорим: «В этом нет будущего. Какая от него польза?» Любопытно, что мы так часто говорим «Какая от него польза?». Этот вопрос, как мне кажется, свидетельствует о том, что мы сошли с ума. Даосы же радуются тому, что вещи бесполезны, а будущее не имеет значения.

Мы можем преувеличить любую идею, и эту в том числе. Чжуан-цзы делает это с большим успехом, когда изображает идеального, бесполезного человека. Это горбун, подбородок которого упирается в живот. И все же он вызывает у нас симпатию, потому что, кажется, он нашел секрет жизни. Когда приходят вербовщики на государственную службу, его первого освобождают от этой повинности. Когда приходят военные набирать в армию, его отвергают в первую очередь. Поэтому он живет долго и счастливо.

Чжуан-цзы рассказывает нам другую историю о том, как группа странников нашла исполинское дерево. Никто из них никогда не встречал такого огромного дерева, поэтому они подошли к нему, чтобы увидеть, может ли в нем быть что-то полезное. Они начали с исследования листьев, однако нашли их слишком жесткими и неприятными на вкус. Затем они посмотрели на изогнутые, сучковатые ветви и пришли к выводу, что из них невозможно делать палки. Тогда они изучили древесину и обнаружили, что она волокнистая и поэтому не подходит для строительства. Впоследствии они оставили дерево в покое. Оно было непригодно ни для чего, и поэтому оно выросло до таких больших размеров и достигло значительного возраста. Чжуан-цзы не призывает нас понимать это буквально, потому что юмор всего лишь помогает ему выражать свои идеи.

В другом месте он описывает поведение идеального человека:

Благородный муж остается дома и действует без суеты. Представления о хорошем и плохом, о похвале и порицании не вносят смуты в его душу. Когда в пределах четырех морей люди наслаждаются жизнью, он счастлив. Когда люди обеспечены, он пребывает в покое.

Грустный на вид, он похож на ребенка, который потерял свою мать. Он кажется глупым и ходит повсюду, словно заблудился. У него много денег, но он не знает, откуда они приходят. Он ест и пьет в меру, но не ведает, откуда берется еда. Таков облик благородного мужа.

А вот другая характеристика:

Лицемеры – это люди, которые считают хорошим то, что мир считает хорошим, и правильным то, что мир считает правильным. Когда вы говорите им, что они познали Дао, они удовлетворены и улыбаются. Когда вы называете их лицемерами, они недовольны и хмурятся. В течение всей жизни они называют себя «познавшими Дао», и в течение всей жизни они остаются лицемерами. Они знают, как выступить перед людьми, и умеют к месту рассказать случай, чтобы на них обратили внимание. Однако с самого начала и до самого конца они не знают что к чему. Они одеваются прилично и умеют сочетать цвета в одежде. Они придают своему лицу чинный вид, чтобы располагать к себе других, но никогда не признают себя лицемерами^[22].

Описание благородного мужа как глупого на вид человека, который ничего не знает и бродит повсюду, словно сбился с пути» основывается на тексте Лао-цзы:

Мирские люди веселятся,
Славно на ритуальном пиршестве;
Мирские люди радуются,
Словно выйдя на террасу весной;
Один лишь я печален, как неприкаянный,
Как младенец, что не умеет улыбаться;
Один лишь я свободен, как бездомный.
У людей достаток и даже есть запасы,
Один лишь я словно обойден судьбой.
Мой разум подобен разуму глупца,
В нем царит смутность, расплывчатость
Пошляки всё знают, они блистательны;
Один лишь я смущен и подавлен.
Пошляки догадливы, Самонадеянны;
Один лишь я уныл и тоскую;
Терпелив, как море,
Плыву по течению, без цели.
У людей в мире есть цель;
Один лишь я кажусь упрямым и неуклюжим.
Один лишь я отличаюсь от других в том,
Что получаю подкрепление от Матери^[23].

В образе даосского мудреца, каким его рисуют Чжуан-цзы и Лао-цзы, есть что-то от слабоумного, который ни на что не претендует, который не знает даже, что можно укрыться от дождя. Все опережают его в приобретении материальных благ и в духовности. Слабоумный – это человек, который никуда не идет; он просто сидит у дороги и говорит несурзости. Слабоумный похож на монголоидного ребенка, который понятия не имеет о выживании. Такой ребенок возьмет у вас тарелку с едой и начнет водить в ней пальцем, а затем поднимет палец и будет наблюдать, как с него капает. Он будет довольно долго играть с едой и лишь потом начнет ее есть, но забудет о ней, как только его внимание привлечет что-то другое. Пока вы не рассердите его, он дружелюбен к вам и улыбается. У него нет никаких амбиций. Он ничего не добивается, и никто не может заставить его измениться.

Теперь мы понимаем, почему слабоумный всегда был прообразом мудреца. У Шанкары

читаем:

*То нагим, то безумным;
То как ученый, то как слабоумный –
Таким приходит в этот мир
Освобожденный.*

Жизнеописания Шри Рамакришны и Шри Раманы подтверждают это. В них приводятся свидетельства, что в молодости эти люди подчас вели себя как безумцы. Однако, как и в случае с Чжуан-цзы, не следует понимать это буквально. Подобные эпизоды в жизни святых часто преувеличивают, чтобы создать контраст с противоположными тенденциями.

Однажды много лет назад один японский ученый, объясняя мне смысл буддизма, сказал то, чего я ни от кого с тех пор не слышал. Он сказал, что Будда учил считать жизнь страданием, чтобы уравновесить противоположное мнение – что жизнь дана нам для получения удовольствия. Будда учил, что все в мире мимолетно, для того, чтобы исправить неправильное представление, согласно которому реальность существует вечно. Таким образом, выражается идея срединного пути: мы прибегаем к крайностям для того, чтобы уравновесить противоположные тенденции. Такой подход очень типичен для азиатских духовных учений, и особенно для дзэн. Так, например, когда учителя спрашивают о чем-то священном, он всегда отвечает на языке мирского. На вопрос «Кто такой Будда?» он может ответить: «Дерево в саду». А затем, когда вы спросите его о чем-то земном, он ответит на языке священного.

Однажды мастер и ученик работали в саду. Для подрезания деревьев они пользовались одним ножом. Неожиданно ученик обратился к мастеру:

– Дайте мне нож.

Мастер протянул его острием вперед.

– Позвольте мне взять за другой конец, – попросил ученик.

– А что ты будешь делать с другим концом? – ответил мастер.

Так простой вопрос послужил поводом для начала метафизической дискуссии. Эта игра, эти постоянные переходы от одной крайности к другой нужны для того, чтобы пробудить ум к полноте, к пониманию взаимозависимости.

Философия Чжуан-цзы – учение об относительности. Он постоянно подчеркивает, что невозможно различить великое и малое, важное и несущественное. Он рассказывает историю о дрессировщике обезьян, который решил, что его подопечные будут получать по три ореха утром и по четыре вечером. Но обезьянам это не понравилось. Тогда дрессировщик сказал, что он будет давать им по четыре ореха утром и по три вечером. Это пришлось им по душе. Число орехов было одним и тем же, продолжает Чжуан-цзы, однако во втором случае были учтены пожелания обезьян. Таким образом, по его мнению, поступает мудрец. Читая Чжуан-цзы, вы начинаете понимать, что малые вещи так же велики, как самые большие, а большие так же малы, как самые малые. Всё можно увидеть большим или малым, любое событие можно счесть важным и неважным, а также в промежуточном состоянии. Такое представление о мире по сути циклично.

Круг – излюбленная фигура даосских и дзэнских учителей. Началом окружности может быть любая ее точка. Вы можете рисовать ее откуда угодно. Известен следующий коан: «*Индра построил башню без стыков; в каком месте он начал?*» Башня без стыков подобна рукаву без швов; это бесконечная цилиндрическая башня. Где начинается такая башня? Другими словами, где начинается круг? Это может быть круг или цикл жизни: взаимозависимость пчел и цветов, курицы и яйца, жизни и смерти, короткого и длинного. Все это циклично. Мы не знаем, где начать, и поэтому можем начать в любом месте. Обсуждая органы тела, Чжуан-цзы перечисляет их, а затем говорит: «Какой из них вы предпочтете? Какой из них идет первым? Кто среди них

правитель, а кто слуги? Ведь, хотя никто не может найти главный орган тела, нам кажется, что такой орган существует».

Таким образом, в даосской философии – можно даже сказать, в китайской философии в целом – нет представления о мире, который подчиняется боссу. В теле нет управляющего органа. Порядок тела является следствием, другими словами, действием целого, в котором все существует одновременно, спонтанно. Здесь нет правителя. Основная трудность, с которой сталкиваются люди, пытаясь понять даосскую философию, состоит в том, что они мыслят в терминах управления и подчинения. Люди всегда пытаются управлять и доминировать, и поэтому в нашем мире царит хаос

Чжуан-цзы рассказывает древнюю притчу о дрессировщике лошадей по имени По Ло – от которого, должно быть, произошло слово «поло». Чжуан-цзы говорит, что лошади бы ли красивыми, очаровательными созданиями, пока По Ло не объездил их, тем самым испортив их нрав. В других местах он говорит, что хороший плотник не нуждается в угольнике и циркуле; он работает на глаз. Это верно в отношении японских плотников. И правда, едва ли не самое очаровательное из всего, что можно увидеть в Японии, – наблюдать, как работают эти традиционные плотники. Они пользуются весьма необычными инструментами и умеют очень тонко чувствовать, как лучше подогнать друг к другу отдельные детали.

Есть притча о церемонии, которая должна была состояться по поводу поднятия конькового бруса при постройке храма. Храм строила одна группа плотников, но в городе у них были конкуренты. Должно быть, эти конкуренты имели на них зуб, поскольку не смогли получить выгодный контракт. Поэтому ночью один из доброжелателей пришел к месту строительства и отпилил от конькового бруса кусок длиной шесть футов или около того. Утром плотники и священники собрались возле храма на церемонию поднятия конькового бруса, но тут главный плотник заметил что-то неладное. Он сказал: «Кто-то здесь был. Должно быть, это были наши конкуренты. Они отпилили от конькового бруса шесть футов. Но ничего, мы все равно совершим церемонию». Тогда он взял молоток, ударил им по брусу и сказал: «Поднимайте!» Коньковый брус подняли, и он подошел точь-в-точь! В истории, конечно же, подразумевается, что главный плотник знал обо всем заранее и поэтому сделал брус длиннее, чем нужно. Вот какие легенды ходят о японских плотниках. Им не нужны многие принадлежности, потому что их организм намного чувствительнее, чем измерительные инструменты.

Существует много историй о художниках Дальнего Востока, которые обладают тем же даром – точно знают, где на картине должна находиться какая деталь. Известна история о мастере, который украшал комнаты для чайной церемонии. Его ученик спросил у него, где на стене должен находиться крюк для подвешивания бамбуковой вазы с цветами. Мастер показал где, и ученик сделал небольшую пометку. Впоследствии ученик нечаянно стер пометку, но запомнил, где она была, по едва заметной царапине на стене. Тогда он спросил у мастера: «Простите меня, я случайно вытер пометку. Не покажете ли вы мне еще раз, где должна висеть ваза». «Здесь», – сказал учитель и указал в точности на то же место. Такие истории очень популярны на Дальнем Востоке.

Основная идея, к которой Чжуан-цзы обращается снова и снова, состоит в том, как преуспеть в жизни не подталкивая ее, не пытаясь управлять ею. Он говорит, например, что музыка заканчивается там, где начинаются ноты:

Пять нот делают человека глухим; Пять цветов делают человека слепым.

Здесь он имеет в виду, что если вы думаете, что есть только пять нот, вы ничего не слышите, а если вы думаете, что есть только пять цветов, вы ничего не видите. В западной музыке мы сталкиваемся именно с этим. У нас есть система нотации, с помощью которой можно записывать только звуки хроматической гаммы, и поэтому мы не можем записывать

никакую другую музыку. Однако между любыми двумя нотами хроматической гаммы может быть сколько угодно промежуточных звуков. Записывая ритм, мы должны укладываться в размеры, состоящие из целых, половинных, четвертных, восьмых, шестнадцатых нот и так далее. Ничего другого записать мы не можем. В восточной же музыке имеется континуум ритмов и тонов, и поэтому тамошние музыканты могут изобретать очень сложные ритмы. На Востоке принято изучать музыку не по нотам, а в живом присутствии учителя, который показывает, как нужно играть на том или ином музыкальном инструменте. Ученик следует за живым человеком, а не за словами и символами.

Я видел совершенно бессмысленный перевод Чжуан-цзы, сделанный китаеведом из Гарварда. Мне кажется, что этот профессор раньше был миссионером, потому что он использует слово «Бог», тогда как у Чжуан-цзы нет подобного понятия. Представление о Боге вообще чуждо даосской мысли. Однако мы не должны забывать, что первыми китаеведами на Западе были именно миссионеры. Они изучали китайский для того, чтобы читать на нем проповеди, и поэтому не удивительно, что они всегда искали в нем соответствия своим представлениям.

Вот почему переводы классических китайских текстов на английский изобилуют христианскими идеями!

Представление о Боге как личности, управляющей миром, полностью чуждо китайской мысли. У китайцев есть понятие о цянь-жань, очень близкое по смыслу к цзы-жань, или «спонтанности». Цянь-жань означает «нечто являющееся таковым по воле небес». Небеса – это вселенная. Когда мы смотрим на звездное небо, мы видим цянь. Однако представление о небесах у Чжуан-цзы не имеет ничего общего с нашей идеей о Боге, личностном повелителе вселенной. Поэтому те, кто переводят цянь как Бог, допускают грубую ошибку в интерпретации китайской философии.

Есть история, в которой ученик спрашивает мастера:

– Могу ли я получить Дао в свое личное пользование?

– Твой ум не принадлежит тебе, а представляет собой совокупный образ цянь, – отвечает мудрец.

Миссионеры воспроизводят этот диалог по-английски, переводя цянь как «Бог», потому что они прочли в Библии, что человек сделан по образу и подобию Бога. Однако мастер в действительности имел в виду следующее «Твоя жизнь не принадлежит тебе, это совокупный образ небес. Твои дети не принадлежат тебе, это посланники небес Ты движешься, но не знаешь как. Ты останавливаешься, но не знаешь почему. Все это – непостижимые действия Дао». Если это так, можем ли мы получить Дао в свое личное пользование?

Кроме того, есть отрывок, в котором Чжуан-цзы говорит, что, хотя пьяному, который упал с телеги, может быть больно, он не умрет. Поскольку его дух находится в состоянии безопасности, он не страдает от соприкосновения с объективными сущностями. Если вино дает такую безопасность, продолжает Чжуан-цзы, разве цянь-жань («то, что случается по воле небес») не позволяет нам надеяться на большее?

Чжуан-цзы говорит здесь о том, что для соответствия спонтанным ритмам вселенной не нужно прилагать усилий. В китайской философии нет ни одного представления, которое хотя бы отдаленно напоминало законы природы. Движения тела и гармония организма таковы не потому, что подчиняются какому-то внешнему закону. У китайцев есть представление о законе, которое выражается словом цзэ. Одно время законы писали на жертвенных сосудах, чтобы их могли прочесть люди, приходящие делать жертвоприношения. Мудрецам это не понравилось. Они сказали, что, узнав формулировки законов, люди начнут спорить о словах. Юристы в наше время занимаются именно этим. Между тем мудрецы хотели сказать, что законы нельзя записывать таким образом. Они описывали Дао как у-цзэ. У-цзэ в применении к Дао можно

перевести как «не подчиняющееся законам», то есть «стоящее выше любых писанных законов».

Продолжая объяснять этот принцип, Чжуан-цзы прибегает к ловкому приему. Он вкладывает свои слова в уста Конфуция и тем самым сбивает с толку не один десяток ученых китаеведов. Чжуан-цзы рассказывает нам, что *однажды Конфуций стоял на берегу реки у водопада. И вдруг, откуда ни возьмись, появился старик, который вышел из леса, упал в реку и исчез в водопаде. Конфуций подумал: «О, как это нехорошо! Должно быть, старик устал от жизни и решил покончить с собой, бросившись в водопад». Но через некоторое время старик вышел из воды внизу по течению реки и поковылял дальше. Конфуций был поражен. Он послал своих учеников догнать старика, пока тот не скрылся из виду. Встретившись с ним, Конфуций спросил:*

– Господин, мне показалось, что вы собираетесь совершить самоубийство, но потом я увидел, как вы вышли из водопада целым и невредимым. Есть ли у вас какой-то особый метод, с помощью которого вам удастся это сделать?

– Нет, у меня нет такого особого метода, – ответил старик – Я просто окунаюсь в водоворот и выхожу из водоворота. Я не сопротивляюсь воде, а полностью отдаюсь ей.

Итак, мы видим, что старик не прилагает никаких усилий. Попадая в водоворот, он выживает, потому что не сопротивляется ему. Он следует потоку и плывет туда, куда его несет.

Конечно же, эта история немного преувеличена, потому что подлинный у-вэй, отпускание или невмешательство – это преувеличенное подчеркивание иньской точки зрения, чтобы компенсировать перекося в сторону Ян. Расслабление – это просто то, что происходит, когда в вас слишком много Ян, или активного начала, которое нуждается в том, чтобы его дополнили Инь, пассивностью. Проблема в том, что люди в своем желании управлять миром проявляют слишком много янской агрессивности. Однако, когда мы пытаемся уравновесить это Инь, расслаблением или отпусканием, мы не должны путать это, например, с вялостью. Многие люди, когда их просят расслабиться, становятся вялыми. Более того, будет еще неприятнее, если, пытаясь расслабиться, вы начнете нервничать и поэтому создадите еще большее напряжение. Помнится, как-то я читал книгу под названием «Вы должны расслабиться».

Но вы не достигнете у-вэй таким образом. Даже пытаясь расслабиться, вы останетесь напряженными, потому что вы стремитесь к этому и беспокоитесь, что у вас ничего не получится. Как же тогда вообще можно расслабиться? Прежде всего, вы должны понять, что для этого вам совершенно ничего не нужно делать. Как сказал Лао-цзы, «не существует метода». Чтобы выразить то же самое, даосы используют слово у-цзэ, «отсутствие законов». основывается на понимании,

или, как выражаются наши психологи, на инсайте, в ходе которого для вас становится очевидно, что вы сами как источник или причина действий, существующая независимо от остального мира, не можете совершить ничего. Когда вы знаете, что не существует независимого «вас», вам не нужно расслабляться. Поток Дао течет дальше. Вы можете попытаться плыть против течения, но намного легче плыть по течению. Это подобно течению времени – вы не можете выйти за пределы настоящего мгновения. Вы можете думать о прошлом и о будущем, но, поскольку вы делаете это сейчас, избежать настоящего невозможно.

Не кажется ли вам, что настоящее очень похоже на поток? Время движется вперед. Жизнь движется вперед. Время, измеряемое по часам, – это всего лишь мера потока. Часы тикают и считают количество тик-так. Да, мы прожили очень много тик-так, но реальное время, отличное от тиканья, течет – и в то же время стоит. Разве не удивительно, что время движется, но вы всегда присутствуете в нем, для вас оно всегда есть. Вы никогда не покидаете настоящего.

Таков принцип течения. Все очень просто. Однако вы можете изобрести много способов отсрочить это постижение. Вы можете сказать: «Что же, это очень сложный духовный принцип,

а я очень непродвинутый человек, поэтому пройдет много времени прежде, чем я пойму это не только на словах». Однако это всего лишь отговорка для того, чтобы не увидеть этого сейчас и продолжать свою игру. Существует множество изощренных отговорок. Например, вы можете отложить постижение, посвятив многие годы жизни занятиям по сложной системе совершенствования, будь то йога или какое-то другое учение. И в этом нет ничего плохого. Я не имею ничего против этого. Пожалуйста, если хотите, откладывайте свое постижение. Но на самом деле оно всегда здесь и сейчас. Подобно тому, как вы не можете выйти из настоящего мгновения, вы не можете выйти из Дао. В этом вся ирония ситуации, в которой мы находимся. Именно поэтому у Чжуан-цзы такая легкая рука. Он говорит:

Белая цапля бела, даже если она не купается; Черный ворон чёрен, хотя его никто не красит.

Поэтому есть блондины и брюнеты, полные и худощавые, высокие и низкие, образованные и невежды. Даже в христианском гимне поется:

*Богач в роскошном доме,
Бедняк у ветхого крыльца –
Их создал Бог такими,
Дав каждому его удел.*

Мы, конечно же, не поем больше таких гимнов, потому что мы теперь социально сознательны. Но Чжуан-цзы говорит:

Желающие иметь истинное без его спутника – ложного, сторонники хорошего правительства и противники беспорядка и анархии – они не постигают ни великих принципов вселенной, ни сил, приводящих в движение мироздание. С таким же успехом можно рассуждать о существовании небес без земли или положительного принципа без отрицательного – хотя это полностью бессмысленно. Человек, рассуждающий так и не поддающийся убеждению, является либо глупцом, либо негодяем.

Конечно же, мы можем возразить Чжуан-цзы, что глупцы и негодяи тоже должны быть для того, чтобы мы знали о существовании мудрецов. Чжуан-цзы говорит о том же в другом месте:

Речь – не просто дыхание. Слова имеют смысл, однако этот смысл невозможно точно определить. Поэтому вправе ли мы утверждать, что существует осмысленная речь? Или же она ничем не отличается от пения птиц?

Может ли Дао быть настолько неопределенным, чтобы мы не могли различить истинное и ложное? Может ли речь быть настолько двусмысленной, чтобы мы не могли отличить правильное от неправильного? Есть ли место, где мы не найдем Дао? Есть ли место, где слова нельзя истолковать? Дао сокрыто нашим ущербным пониманием, а слова стали двусмысленными вследствие нашего красноречия. Так и получается, что школа конфуцианцев и школа моистов не могут прийти к согласию. Каждая из этих школ отрицает то, что другая утверждает, и утверждает то, что другая отрицает. В результате люди пребывают в замешательстве, не зная, кому верить.

Нет ничего, что не было бы этим; нет ничего, что бы не было тем. Что не доступно видению того (другого человека), то может быть увидено этим (мной). Поэтому я утверждаю, что это происходит из того, а то возникает из этого. Такова теория взаимосвязи этого и того. Жизнь так же возникает из смерти, как смерть из жизни. Возможность рождается из невозможности и наоборот. Утверждение основывается на отрицании и наоборот. Поэтому мудрец отвергает различия и находит себе прибежище в единстве.

Можно считать, что все сводится к этому, но с таким же успехом можно сказать, что все сводится к тому. У этого есть своя правда и неправда, и у того есть своя правда и неправда. Не значит ли это, что между этими тем нет различия? Когда это (субъект) и то (объект) взяты в

отдельности, образуется ось Дао. И когда эта ось проходит через центр бесконечного разнообразия, все утверждения и отрицания сливаются в одно Бесконечное Единство. Поэтому говорят, что ничто не сравнится с использованием Света.

Как видите, осью противоположностей есть осознание их полярности. Различие между ними явное, тогда как их единство сокрыто. Есть явное различие между двумя концами палки и их скрытое единство, которое состоит в том, что оба конца принадлежат одной и той же палке. Вот что называется осью. Ось Дао – это «тайный заговор» между противоположностями. Их фундаментальное единство сокрыто. О каком бы единстве ни шла речь, будь оно между вами и вселенной или же между другими полярностями, его не нужно создавать. Ведь попытки создать что-то свидетельствуют о том, что его не существует. Такие действия полностью неуместны. В дзэн их называют «дорисовыванием ножек змее» или «бородой у евнуха».

Единство есть. Оно всегда было. Иногда мы чувствуем это очень ясно. Иногда нам кажется, что еще чуть-чуть – и это чувство никогда больше не покинет нас. Однако стоит нам только сказать текущему мгновению: «Остановись, мгновение!» – как его и след простыл! Чем короче становится промежуток времени, которым мы измеряем его по часам, тем яснее мы убеждаемся, что не можем видеть его. Но если вы оставите его в покое и не будете пытаться ухватить его, окажется, что оно всегда рядом. Вам не нужно измерять его, вам не нужно указывать на него пальцем, потому что оно всегда с вами.

Неожиданно настоящее мгновение расширяется. Теперь оно включает в себя все время – прошлое и будущее. И вам не нужно привязываться к нему. После этого вам осталось постичь только одно: движение Дао происходит в текущем мгновении. Так называемое сейчас – это Дао! Дао, путь природы, вечное настоящее, присутствие Бога, как бы вы его ни назвали, – все это уже присутствует! И вы не можете выйти из него. Вам не нужно беспокоиться о нем, потому что вы не можете потерять его. Прекрасно! Стоит вам только расслабиться – и вы уже там!

ПРАКТИКА МЕДИТАЦИИ

Практика медитации – это не то, что обычно понимают под практикой в смысле постепенных приготовлений к достижению чего-то в будущем. Может показаться странным, но медитация как разновидность йоги, дхьяны или дза-дзэн, практикуемых индусами и буддистами, – это практика без цели. Медитация – это искусство пребывания полностью здесь и сейчас. «Я не сплю и не собираюсь никуда идти».

Мы живем в обществе, которое загипнотизировано идеей о времени. Мы привыкли считать так называемое настоящее мгновение всего лишь бесконечно тонкой линией между всемогущим прошлым и увлекательным, очень важным будущим. У нас нет настоящего. Наше сознание почти всегда занято воспоминаниями и ожиданиями. Мы не понимаем, что никогда не переживали и не сможем пережить ничего, кроме настоящих переживаний.

Таким образом, мы оторваны от реальности. Мы путаем мир, каким его описывают, обсуждают и измеряют, с миром, каков он есть. Мы болезненно очарованы такими полезными инструментами, как имена и числа, символы, знаки, представления и идеи. Медитация же является искусством временного прекращения вербального и символического мышления – чем-то вроде затихания аудитории перед самым началом концерта.

Сядьте, закройте глаза и прислушайтесь к звукам, доносящимся до вашего слуха, – не пытайтесь называть их или определять их источник. Слушайте их так, словно это музыка. Если при этом окажется, что вербальное мышление не прекращается, не пытайтесь прекратить его с помощью волевых усилий. Просто расслабьте язык, почувствуйте, как он легко лежит на нижней челюсти, и слушайте свои мысли так, как вы слушаете щебет птиц на улице – словно это звуки у вас в голове. В конце концов они прекратятся подобно тому, как вода в мутной луже становится спокойной и прозрачной, если ее не тревожить.

Осознайте также свое дыхание и позвольте легким работать в ритме, который им больше всего подходит. В течение некоторого времени просто сидите и чувствуйте свое дыхание. Но если можете, не называйте его «дыханием». Переживайте происходящее невербально. Вы можете возразить, что это не «духовная» медитация, а просто внимание к «физическому» миру. Между тем следует понять, что «духовный» и «физический» – это всего лишь идеи, философские представления и что осознаваемая вами реальность – это на самом деле не идея. Более того, не существует «я», которое осознает ее. Это также всего лишь идея. Можете ли вы слышать, как вы слушаете?

А затем позвольте дыханию «падать вниз», постепенно и легко. Не напрягайте грудной клетки, а давайте воздуху выходить из груди так же, как вы позволяете себе развалиться на удобной кровати. Позвольте воздуху выходить постепенно и легко. Как только появляется малейшее напряжение, позвольте следующему вдоху случиться спонтанно; не втягивайте воздух силой. Забудьте о часах. Просто сидите таким образом до тех пор, пока вам это приятно.

Если вы будете дышать таким образом, вы научитесь порождать энергию без усилий. Так, одна из уловок (санскр., *упая*), помогающая успокоить мыслящий ум, прекратить его навязчивую болтовню, называется *мантрой* – повторением слов ради их звучания, а не ради смысла. Поэтому на длинном легком выдохе позвольте одному слогу протяжно звучать на той высоте, на которой вам удобнее всего произносить его. Индусы и буддисты используют для этой практики такие слоги как ОМ-А-ХУМ, тогда как христиане могут петь АМИНЬ или АЛЛИЛУЙЯ, мусульмане – АЛЛАХ, а иудеи – АДОНАЙ; – можете взять любое слово, потому что в данном случае важен не смысл, а звучание. Подобно дзэн-буддистам, вы можете использовать слог МУ. Войдите в него, и пусть ваше сознание погружается в звучание все глубже и глубже до тех пор,

пока нет напряжения.

Главное, не ожидайте результата, какого-то удивительного изменения в сознании или *сатори*. Весь смысл практики медитации в том, чтобы осознавать то, что есть, – а не то, что могло бы быть. От вас не требуется освободить ум от любых чувственных переживаний вообще или же любой ценой сосредоточивать внимание, скажем, на одной точке света – хотя и это тоже может быть увлекательным переживанием, если нет принуждения.

Как долго это должно продолжаться? Мое, возможно, не ортодоксальное мнение по этому поводу состоит в том, что это должно продолжаться, пока вам не нужно прилагать усилий. Это может быть тридцать или сорок минут сидения, после чего, возможно, вы пожелаете вернуться к обычной неусидчивости и рассеянности.

Для сидения во время медитации лучше всего положить на пол довольно плотную подушку, поддерживать позвоночник вертикальным, не закрепощая его, положить руки одну на другую ладонями вверх и сидеть со скрещенными ногами, как статуэтка Будды, – в позе лотоса или «полу-лотоса». Можно также стать на колени, а затем сесть на пятки и медитировать в таком положении. Все эти позы немного неудобны, но они обладают явным преимуществом – они не дают вам уснуть!

Во время медитации вы можете переживать видения, к вам могут приходить удивительные идеи, восхитительные фантазии. Вы можете также почувствовать, что становитесь ясновидящими или же способны покидать тело и путешествовать куда угодно. Но все это лишь отвлекает вас. Оставайтесь спокойны и просто наблюдайте за тем, что происходит сейчас. Медитируют не для того, чтобы развить в себе эти необычные способности, ведь если бы вы смогли стать всемогущими и всезнающими, что бы вы с этим делали? Для вас не было бы больше неожиданностей, и вся ваша жизнь после этого напоминала бы занятия любовью с пластиковой женщиной. Поэтому остерегайтесь тех гуру, которые обещают вам «чудесные результаты», великие достижения в будущем от занятий по их системе. Весь смысл в том, чтобы понять, что будущего не существует и что подлинный смысл жизни в том, чтобы исследовать вечное настоящее. Остановитесь, смотрите и слушайте. Или лучше будет сказать – включитесь, настройтесь и войдите.

Бытует легенда о человеке, который пришел к Будде с цветами в обеих руках. Будда сказал ему: «Выбрось их!» – и человек выпустил цветы, которые были у него в левой руке. Но Будда снова сказал: «Выбрось их!» и человек выпустил цветы из правой руки. Тогда Будда сказал: «Выбрось не только то, что у тебя в левой и в правой руке, но и то, что посередине!» Тотчас человек достиг просветления.

Приятно чувствовать, что все движущееся и живое выпущено и падает, следуя тяготению. В конце концов, Земля, вращаясь вокруг Солнца, падает на него; а Солнце, в свою очередь, падает, вращаясь вокруг какой-то другой звезды. Энергия всегда следует по пути наименьшего сопротивления. Энергия – это масса. Сила воды в том, что она следует своему весу. Все приходит к тому, кто весит.

notes

«Дзоку-косодэн» (кит. «Сюй-гао-сэн-цзюань»).

«Мумонкан» (кит. «У-мэнь-гуань»), случай 19.

По-китайски, у (нет, ничто).

По-китайски, гун-ань (публичный документ).

«Каттосю» (кит. «Го-тэн-цзи»).

«Риндзай-року Сисю» (кит. «Линь-цзи-лу Ши-чжун»).

«Бокудзю-року» (кит. «Му-чжоу-лу»).

«Дзэнрин Кусю»,

«Мумонкан», случай 41.

«Кэйтоку-дэнто-року» (кит. «Цзин-дэ-чуань-дэн-лу»), том 3.

По-китайски, цзы-жань.

«Дзэнрин Кусю».

«Кэйтоку-дэнто-року», гл. 8.

«Дзёсю-синсай-дзэндзи Го-року» (кит. «Чжао-чжоу-чжэнь-цзи-чань-ши Юй-лу»).

По-китайски, у-син (не-сознание, бессознательное) и у-нянь (не-мысль, осво бождение потока мыслей и впечатлений).

«Уммон-року» (кит. «Юнь-мэнь-лу»).

Ibid.

«Риндзай-року».

«Госо-року» (кит. «У-цзы-лу»).

По-китайски, у-вэй (недеяние, естественное возвращение).

На самом деле эти слова в пьесе Шекспира принадлежат не шуту, а самому королю Ричарду. Здесь они приводятся в переводе М. Донского. См.: Уильям Шекспир. «Исторические хроники». Москва, 1987. – Прим. перев.

Все ссылки на Чжуан-цзы см. Herbert A. Giles, ed and trans, Chuang tzu. Mystic, Moralist, and Social Reformer, Shanghai Kelly and Walsh, 1926)

Ch. Lin Yutang, ed. and trans., *The Wisdom of Lao tze* (New York Modern Library, 1948)